

На берегах Меконга. Записки военного советника генерал армии Ф.Ф. Кривда.

ВВЕДЕНИЕ В отличие от жизни гражданского человека, который самостоятельно планирует, что ему делать, как поступать в том или ином случае, судьбу военного больше определяют "сверху". Как правило, от воли вышестоящего начальника зависит то, в каком месте он будет служить. И это обстоятельство подчас служит оправданием офицера своей семье, когда его родные испытывают после переезда неудобства. За свою продолжительную службу я никогда не отказывался от любого назначения и мои близкие никогда не сожалели, что я согласился на перемещение по службе. Душа всегда была спокойна. Перед моим назначением в 1982 году Главным военным советником в СРВ я проходил службу в должности первого заместителя Главнокомандующего войсками Дальнего Востока. А Главнокомандующим тогда был генерал армии Говоров Владимир Леонидович. Работа была интересна, дела шли хорошо, взаимоотношения с этим умным, душевным человеком были самые лучшие, и я не думал, что мне скоро придется сменить должность. Ранней весной 1982 года в Ставке войск Дальнего Востока проводились командирские сборы, на которые был приглашен руководящий состав Вьетнамской Народной Армии, Лаоса и Кампучии, и меня приказом Главнокомандующего войсками Дальнего Востока назначили ответственным за эту группу. Пошли разговоры, что я после сборов поеду в СРВ старшим военным советником. Видимо, это было связано с тем, что сборы прошли хорошо. Много вьетнамские, лаосские и кампучийские товарищи получили интересной и новой информации и, по их оценке, очень были довольны. Разговоры о моем предстоящем назначении на должность Главного военного советника в СРВ меня не обескураживали. Я считаю, что мой опыт в Центральной группе войск в должности командира армейского корпуса, в МНР в должности командующего 39 армией, в Южной группе войск в должности командующего этой группой, служба в Эфиопии и служба в должности 1-го заместителя командующего Среднеазиатским военным округом, где много внимания уделялось вопросу национальных отношений дали мне не только большую

военную практику, но и научили строить взаимоотношения с местным населением. Как участник Великой Отечественной войны много познал я и в период боевых действий в Европейских странах, в частности в ходе осуществления Моравско-Остравской наступательной операции в марте-мае 1945 года, где мне пришлось встретиться с поляками, словаками и чехами в период боевых действий. Наконец, мне очень помогло мое пребывание в должности секретаря партийного бюро партийной организации в период моей учебы в академии им. Ворошилова, так как мне надо было держать связь со всеми группами слушателей социалистических стран. Из этих отношений я сделал вывод, что добиться уважительного, доверчивого отношения к себе представителей любой национальности можно только тогда, когда ты искренне, без фальши, живешь их интересами, глубоко и искренне уважаешь их национальные чувства, обычаи и нравы. В этом с твоей стороны не должно быть никакой наигранности, показухи и т. п. Сформировать в себе такие качества - дело необычайно сложное, но нужное. Поскольку военный человек должен быть высококультурным и образованным. В свое время Воениздат предложил мне написать книгу воспоминаний о моем пребывании во Вьетнаме в должности старшего военного советника СРВ. Не скрою, что написать эту книгу было очень трудно. Она необычная и очень трудная в литературной обработке событий. Но благородная цель - передать свой опыт сегодняшнему поколению российских офицеров воодушевила меня на эту трудную работу. В течение трех с половиной лет я находился во Вьетнаме и курировал, по приказу Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Т. Устинова, советнические аппараты Лаоса и Кампучии. В течение всего этого времени я вел дневник. Этот дневник и лег в основу книги "На берегах Меконга", которую я сейчас предлагаю на суд читателей. Больше того, используя дневник, у меня появилась возможность показать динамику работы главного военного советника и его аппарата. Без дневника демонстрация динамики работы советнического аппарата и главного военного советника была бы невозможной и неубедительной. В написанной мною книге действия аппарата и главного военного советника представлены

документально. Эту книгу можно было издать и в СРВ, не боясь, что кто-либо оспорит тот или иной факт из жизни нашего коллектива. Наименование книги "На берегах Меконга" не случайное. Дело в том, что река Меконг имеет отношение к четырем странам: Китаю, Лаосу, Капучии и Вьетнаму (частично пограничная с Бирмой и Таиландом). Она как бы объединяет эти страны в единое целое. Меконг в обычное время судоходен на 700 км от устья. В половодье - на 1600 км.

НА БЕРЕГАХ МЕКОНГА

В жизни военного, особенно офицера, много неожиданностей и непредвиденных ситуаций. Сегодня он служит в одном месте, а завтра могут направить совсем в другое место. Причем он не имеет права возражать против решения старших начальников. В Советской Армии считалось нетактичным противоречить решению старшего начальника. В принципе, такой подход правильный. В армии на любой приказ командира подчиненный должен ответить "есть" и немедленно приступить к его выполнению. Если же каждый, получивший приказ, будет искать причины, добиваться отмены приказа, который ему не выгоден, связан с риском для жизни, с большими препятствиями, тогда и воевать некому будет. С такой "демократией" армия существовать не может. Это уже будет не армия, а неуправляемое собрание недисциплинированных, полугражданских людей. Кто служил в армии, служит сейчас, хорошо знаком с условиями армейской службы, тот поймет справедливость этих слов. Эти воспоминания были навеяны тем, что в середине июля 1982 года, когда у меня и мысли не было о каком-либо новом назначении - вдруг предложили должность главного военного советника в Социалистическую Республику Вьетнам. К этому времени география моей военной службы уже была значительной. Она ложилась нелегким грузом прежде всего на жену и детей. К этому времени мы уже сменили место жительства в 27 квартирах. Эти квартиры были и маленькие и средние, и холодные и теплые, и с водой и без воды, и с канализацией и без нее, а наши дети за время учебы в средней школе сменили восемь школ в различных регионах страны. Можно себе представить, как тяжело им было каждый год начинать учебу в новой школе и в новом коллективе. Мы

благодарны судьбе, что наши дети - Владимир и Любаша - были послушными и старательными. К нашему отъезду в Юго-Восточную Азию сын успел закончить Электротехнический институт связи, а дочь - факультет иностранного языка пединститута, и это облегчало нашу участь. На сборы и переезд в Москву из Улан-Уде нам отвели несколько дней. За это время мы должны были собрать все документы, пройти медицинскую комиссию, получить паспорта, упаковать домашние вещи и к 4 августа прибыть в Москву в Генеральный штаб ВС. С прибытием в Москву началась обстоятельная подготовка меня в 10 Главном управлении Генерального штаба к вступлению в новую должность. За десять дней моей подготовки, время расписали буквально по минутам, были организованы встречи в ЦК КПСС, в МИДе СССР, в ГЭКС, в Главном политическом управлении, в главных штабах видов Вооруженных Сил и основных главных управлениях Минобороны. В ГлавПУРе принимал А. А. Епишев и его заместитель А. И. Сорокин, принимали Первый заместитель Министра обороны СССР, Маршал Советского Союза С. Л. Соколов, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Н. В. Огарков. На завершающем этапе подготовки меня приняли Министр обороны Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. Особое внимание он уделил вопросу координации действий советских военных советников и специалистов во Вьетнаме, Лаосе и Капучии, подчеркнув при этом, что необходимые распоряжения по этому вопросу даны по линии ЦК КПСС, МИД, ГЭКС и Министерства обороны. В последующем я убедился, насколько это было важно для согласованной работы советнических аппаратов в этих странах. Напряженная работа, предшествовавшая прибытию в СРВ, помогла мне создать общее представление об уровне нашего сотрудничества с СРВ, ЛНДР и НРК по всем направлениям и особенно по военной линии. По ходу подготовки к отъезду в СРВ я чувствовал, что времени для освоения всех вопросов крайне мало. Шла спешная работа и по сбору в командировку. Надо было разобрать вещи, решить вопрос с охраной квартиры, организовать оплату, бронь и собираться в дорогу. Алевтина Васильевна валилась с ног, торопясь хоть как-то успеть. Да еще куча всяких

справок на нас и внучку Алечку. Хотелось перед полетом в дальнюю командировку встретиться с сыном Владимиром, дочерью Любашей, внучками, друзьями по Москве и Орджоникидзе - Калининым Виктором Викторовичем и Анной Александровной, приехавшими в Москву на несколько дней, и увидаться с начальником Политуправления МНА генерал-лейтенантом Ендондуйчиром и его супругой, в это время отдыхавшими в Архангельском санатории. Кое-как мы собрались. Вылет был нам намечен на 16 августа. Нас пришли проводить генерал-лейтенант Буркин Борис Захарович с Ниной Андреевной, генерал-лейтенант Павлов Дмитрий Александрович с Марией Даниловной, генерал-лейтенант Сидоров Александр Георгиевич с Генриетой Николаевной, были Калинин, сестра Верочка, сын Владимир, дочь Любаша со своим мужем Анатолием. Людей собралось очень много и надо было оказать всем внимание, на что явно не хватало времени. В 16.00 мы выехали на аэродром. Все решили нас проводить. Провожала нас и семья Палеевых - Владимир Борисович и Зоя Митрофановна. Приехали провожать и Ендодуйчир с женой. В здании аэропорта решили организовать необходимый стол. Мы не знали, что в это время в депутатском зале находится один из членов политбюро ЦК КВП с супругой и сопровождающими лицами. Сопровождавший нас офицер подошел к нам и сообщил, что со мной хочет познакомиться член политбюро ЦК КВП товарищ Во Ти Конг и что вместе с ним находится товарищ Глазунов Евгений Павлович, представитель международного отдела ЦК КПСС. Было не совсем удобно, но делать было нечего. Мы с Алевтиной Васильевной подошли к нему. Он сидел вместе с женой и дочерью, провожавшей родителей в Ханой, отлично владевшей русским языком. Мы познакомились, поговорили. Алевтина Васильевна преподнесла жене цветы. Это была первая встреча с вьетнамскими товарищами. Летели мы в одном салоне, но ни он, ни я не могли контактировать из-за незнания языка - я вьетнамского, он - русского. Хотелось поговорить, поближе познакомиться с представителем братской страны, но что подумаешь. Языковой барьер закрывал путь к общению. Полет совершался ночью. Первая посадка в пакистанской столице Карачи после

почти 6-ти часового полета. Наша внучка<FYU нашего сына умерла жена. Осталось две девочки, которых мы удочерили.> неплохо устроилась на коробках с диппочтой и спокойно спала. Наконец, включился транспортант, извещавший о снижении самолета и предстоящей посадке. Через 30 минут наш Ил-62 мягко приземлился в аэропорту Карачи. Видимо, недавно прошел дождь, стояли лужи и сильно парило. Выходить из самолета было запрещено, но с разрешения экипажа можно было выйти на верхнюю площадку трапа. На ней немного продувал ветер и дышалось легче. Мы наблюдали за четкой работой всех аэродромных служб. Буквально через несколько минут наш самолет облепили машины и обслуга самолета: заправщики, машины с контейнерами для подачи питания, для уборки мусора и т. п. Через час мы были готовы к взлету. До Бомбея, где намечалась следующая посадка, всего лишь полтора часа полета. Это время прошло незаметно и наш самолет благополучно приземлился. Шел дождь. Через специальный трап, соединявший самолет с аэровокзалом галереей, нас сопроводили в аэровокзал, где была возможность немного погулять. В зале было множество ларьков с различной утварью. Продавцы предлагали различные сувениры, но никто их не покупал. У нас не было долларов и другой иностранной валюты. Самолет с вылетом несколько задержался. Но спустя полтора часа нас все же пригласили в самолет. Алечка продолжала спокойно спать, не чувствовала ни посадки, ни взлета. В самолете, когда перелет длится 15-16 часов, есть время подумать о многом. Я вспомнил, что прочитал о Вьетнаме, в частности, о реке Меконг. Беря свое начало с ледников Тибета примерно в 50 км северо-западнее горного селения Чандо (южный склон хребта Танча), она несет свои воды через территорию Китая, Таиланда, Лаоса, Кампучии и Вьетнама. В своем среднем и нижнем течении, вобрав в себя воды многих притоков, своим могучим в нижнем течении связывает братские страны, строящие социализм - Вьетнам, Лаос и Кампучию в единое целое являясь для них важнейшей транспортной артерией. Берега Меконга плодородны, приносят людям обильные урожаи и радость. Но не всегда Меконг дает надежду и счастье. Часто в результате сильных ветров, дующих с Сиамского залива, Меконг начинает течь

вспять, заливая огромные территории, уничтожая посеы и жилища. В 1300 г., в период расцвета Камбоджийского государства, наводнение принесло такие бедствия кхмерам, что после этого начался упадок могущества Камбоджи. Соседи приминули воспользоваться этим бедствием, развязав войну против Камбоджи. Им удалось отторгнуть часть земель камбоджийского государства и ослабить его могущество. До Ханоя оставалось еще почти 5 часов полета. Мы шли за облаками, иногда самолет потряхивало, но это обычное явление. Лететь уже надоело. Хотелось поскорее посмотреть страну с самолета, думалось о предстоящей встрече с вьетнамскими друзьями, с главным военным советником при Министерстве обороны СРВ генералом армии Обатуровым Геннадием Ивановичем, с генерал-лейтенантом Павловым Петром Кузьмичем и другими. Нетерпелось встретиться на братской вьетнамской земле с заместителем НГШ ВНА генерал-лейтенантом Лен Гок Хиеном и полковником Генерального штаба товарищем Чандо, с которыми довелось познакомиться ранее. Чандо прекрасно владел русским языком и вызывал общую симпатию. С Лен Гок Хиеном и полковником Чандо мы познакомились в Улан-Уде весной 1982 года на совместном сборе. Знакомство состоялось и с другими товарищами из СРВ, так как вьетнамскую делегацию по поручению Главкома войск Дальнего Востока генерала армии Говорова Владимира Леонидовича поручили курировать мне. Вот, наконец, стали пролетать над территории СРВ. К нашему удовлетворению облачности почти не было. Хорошо просматривались покрытые густым лесом горы, долины, населенные пункты, дороги и озера. Я обратил внимание, что на территории Вьетнама много озер. Ландшафт был притягательным, красивым и меня это настраивало на хороший лад. Вообще я равнодушен к природе и очень люблю смотреть на горы, покрытые лесом, зеленые долины и озера. Самолет пошел над долиной Красной реки и начал снижаться. Кругом зеленые поля, рисовые чеки, залитые водой, бесчисленное множество сел, утопающих в зелени и густая сеть узких дорог и дорожек. По мере снижения можно разглядеть крестьян в соломенных шляпах, работающих на полях. В полдень, с опозданием на 30 минут, самолет приземлился. Поле аэродрома было влажным, а

вдоль взлетной полосы было много луж. Яркое солнце согревало землю и при выходе из самолета сразу чувствовалась горячая влага, обдавшая нас как в хорошей парной. Хорошо, что я своевременно заметил встречающих, находившихся без галстуков, в легких белых навывпуск рубашках, без головных уборов. Но так были одеты советские товарищи, а вьетнамские были в форме. У трапа самолета они выстроились в одну шеренгу. Старшим при встрече был член ЦК КПВ, заместитель министра обороны СРВ генерал-лейтенант Чан Ван Куанг. Рядом, к моему большому удовлетворению, стоял исполняющий обязанности начальника Генерального штаба ВНА генерал-лейтенант Лен Гок Хиен, мой знакомый. Встречал и заместитель МО СРВ, заместитель начальника Главного политического управления генерал-майор Данг Ву Хиеп. Мы поздоровались. Здороваясь с Лен Гок Хиеном, не удержался спросить, где находится полковник Чандо. "Вы еще не один раз встретитесь с ним", - доброжелательно ответил он. Видимо, ему было приятно, что я хорошо помню полковника Чандо, как и его. Затем мы тепло встретились с генералом армии Геннадием Ивановичем Обатуровым, которого мне предстояло сменить на должности главного военного советника в СРВ. Его я хорошо знал еще по совместной службе в ПриКВо и когда он работал заместителем Главного военного инспектора ВС СССР. Тепло поблагодарив за встречу, мы зашли в помещение для гостей, где нас угостили чаем. Вьетнамские товарищи интересовались, как мы перенесли полет и как себя чувствуем. Я ответил, что все хорошо, хотя моя рубашка была уже мокрой и градом продолжал катиться пот. Но это меня не обескуражило. Подобное мы встречали на побережье Эфиопии в районе долины Даникиль, самом жарком месте на земле, где температура воздуха доходит до семидесяти градусов по Цельсию, а мокрым становишься через пять минут после выхода из вертолета. Геннадий Иванович, видимо, решил меня сразу акклиматизировать, предложив ехать с вьетнамскими товарищами машиной, а сам возвратился в Ханой вертолетом. "Заодно посмотрите дорогу и мост через реку Красную, который так хотели разрушить бомбежками американские колонизаторы". Я не возражал, да и хотелось поближе познакомиться с генерал-

лейтенантом Чан Ван Куангом. Мы уселись в машину и двинулись на Ханой. Дорога узкая, по обе стороны дороги незнакомые мне деревья с редкими ветвями. Я спросил, что это за деревья. Переводчик мне ответил, что это железное дерево. Ехали больше часа. Я интересовался тем, как сажают рис, сколько раз его убирают на протяжении года, подчеркнув трудоемкость этой культуры без введения механизации, как это делается у нас. Наблюдая за населенными пунктами, одеждой крестьян, я для себя сделал вывод, что нелегко еще живется вьетнамскому крестьянину, 30 лет отдавшему все для борьбы за свою свободу. Это потребовало максимального напряжения духовных сил, величайшего патриотизма народа, сплоченности вокруг славной КПВ и ее лидера генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана. Это потребовало мобилизации всех экономических возможностей страны и военного потенциала. Советские люди всегда внимательно следили за развитием братских социалистических стран, хорошо знали их успехи и трудности, старались помочь им в их развитии. Мне много говорили в Москве о нашем бурно развивающемся экономическом сотрудничестве с СРВ и тех трудностях, которые временно переживает вьетнамский народ. Сейчас, наблюдая окружающее, я понял, что вопросы экономики встали перед вьетнамским народом во весь рост. Естественно, мы об этом с товарищем Чан Ван Куангом не говорили. Это было бы преждевременным, без достаточного знания обстановки в стране. На пути к мосту через реку Красную водитель то и дело подавал сигналы, предупреждая многочисленных велосипедистов. Они двигались по дороге почти сплошным потоком и надо было обладать большим искусством управления машиной, чтобы избежать ЧП. Вскоре мы увидели мост. Это металлическое сооружение из разнопролетных ферм. Чан Ван Куанг сообщил мне, что одна ферма моста была разрушена американскими самолетами, но ее быстро восстановили. Мост был построен по проекту знаменитого инженера Эйфеля. В центре моста железнодорожная колея, а справа и слева от нее полосы для машин, велосипедистов и пешеходов. Движение по мосту шло сплошным потоком в обе стороны. Ведь это единственный мост, соединяющий оба берега реки Красной. Иногда для проезда по мосту затрачивается около часа времени,

особенно если какая-либо машина по неисправности (а таких встречается немало) заглохнет на мосту. Ниже по течению реки просматривались железобетонные опоры. Я спросил у товарища Чан Ван Куанга, что это за опоры? Оказалось, что строится с нашей помощью новый мост, он позволит нашей помощью новый мост, он позволит надежно соединить оба берега реки и разрядить напряженность в движении транспорта и пешеходов. Следуя в машине по городу, я наблюдал ту же картину сплошного потока велосипедистов. Можно было подумать, что весь город движется на велосипедах. Автомобили попадались сравнительно редко. Вскоре мы приехали в гостиницу Ба-Ба. Ба-Ба - это по вьетнамски 33, т. е. номер гостиницы. Нас расположили в большом номере, состоящем из одной комнаты. Но мы не огорчились. В номере был кондиционер, поддерживающий более или менее нормальную температуру. Расположившись в гостинице и приняв душ, мы пошли на обед. Стол был рассчитан на восемь человек, но нас это вполне удовлетворило. Мы питались вместе с адъютантом, который был с женой, дочерью, да нас трое - жена, внучка и я. Стол был накрыт белой скатертью, работал кондиционер. Обстановка вполне нормальная. Подали суп, а затем второе и фрукты. Все было приготовлено вкусно и не отличалось по вкусовым качествам от русской кухни. Это нас обрадовало и успокоило. Свежие бананы пришлись всем по вкусу, особенно детям. К 16.00 поехал в штаб, как договорились с Геннадием Ивановичем Обатуровым о дальнейшей работе. Штаб главного военного советника размещался в четырех небольших двухэтажных зданиях. Здания были мало приспособлены для работы, плохо отремонтированы и плохо меблированные. Единственным их достоинством было наличие кондиционеров, что позволяло поддерживать в помещениях нормальный температурный режим. Кабинет главного военного советника помещался на втором этаже. Перед входом в кабинет находилась небольшая приемная для адъютанта и переводчика, затем комната-кабинет для главного военного советника и туалет. В целом это вполне могло удовлетворить потребность человека. Геннадий Иванович к моему приезду разработал тщательный план по знакомству меня с

обстановкой и делами. Поговорив о плане работы с 17 до 28 августа, мы приступим к делу. Работу начали с изучения штатов аппарата военного советника и характеристики деловых и политических качеств советских генералов и офицеров. Это заняло у нас до четырех часов времени. Зная умение Геннадия Ивановича объективно оценивать людей, я внимательно прислушивался к нему и делал пометки в рабочей тетради. Затем мы перешли к изучению военно- политической обстановки в стране и положения на северной границе СРВ и КНР. Это заняло еще около двух часов времени. В перерыве между разговорами Геннадий Иванович представил меня советническому аппарату, который был собран в классе одного из зданий. К 20 часам мы поехали в советское посольство, где нас ждали советник-посланник Огнетов Игорь Александрович, секретарь парткома посольство Солодовников Аркадий Александрович. Встреча прошла непринужденно, говорили о самых общих вещах, не касаясь больших проблем. Просто было знакомство, как говорится, за чашкой чая. Вскоре должен был возвратиться из отпуска Чрезвычайный и полномочный посол СССР в СРВ Чаплин Борис Николаевич и, видимо, Огнетов оставил возможность ввести меня в курс дел ему. К 22 часам мы попрощались и разошлись. Мне понравились все товарищи, с которыми я встретился. Это были простые люди, выполняющих интернациональный долг в братской стране. Геннадий Иванович хотел продолжить работу, но я напомнил, что в самолете спать не пришлось, да еще не известно, как чувствует себя моя семья. "Да! Я совсем забыл, что вы всю ночь летели". Я не обиделся на Геннадия Ивановича, зная его неугомонный характер. В последующие дни, вплоть до 22 августа, включая субботу и воскресенье, мы продолжали знакомиться с делами. Было уделено большое внимание изучению кадров, особенно офицерских, проблем, связанных с их подготовкой, изучению состояния армий государств Юго-Восточной Азии, мы также изучали проблемы, связанные с разработкой пятилетнего плана Вьетнама и плана развития этой страны на 1982 год, которые к этому времени еще не были утверждены и требовали серьезной корректировки. Поговорили о проблеме введения единоначалия, разработки

мобилизационного и оперативного планов, совершенствования системы обороны на северном стратегическом направлении, разработке программ обучения для вузов и войск, их освоению, разработке уставов ВНА и массе других вопросов. Надо сказать, что Геннадий Иванович в совершенстве владел обстановкой, но все время подчеркивал трудность проведения задуманного в жизнь. Многие крупные проблемы, которые не успел решить Геннадий Иванович, теперь предстояло решить мне. Я должен был убедить вьетнамских товарищей в необходимости введения в Армии Вьетнама единоначалия, разработке мобилизационного оперативного плана, а также разработке 14 уставов, о необходимости ввести закон о наказаниях за воинские преступления, ввести в действие положение о безопасности полетов, о разграничении функций между вьетнамскими и советскими советниками в Кампучии, наладить подготовку летно-технического состава и т. п. Все эти вопросы и проблемы должны были решать сами вьетнамцы с нашей помощью. Я понимал, что все это потребует огромных усилий советнического аппарата, и моих лично. Геннадий Иванович волновался. Представление меня МО СРВ члену политбюро ЦК КВП генералу армии Ван Тиен Зунгу должно было состояться до 22 августа, а на 28 августа был согласован прием у генерального секретаря ЦК КВП товарища Ле Зуана. В связи с проведением заседания ЦК КВП в Хошимине МО СРВ принять генерала армии Обатурова и меня не смог и мы решили лететь в Хошимин. В 7.00 23 августа 1982 года мы взлетели с Ханойского аэродрома и взяли курс на Хошимин. Погода позволяла видеть побережье и я внимательно всматривался в его очертания. Через два часа сорок минут мы были в Хошимине и сразу направились в резиденцию Ле Зуана. Он находился под Хошиминском на вилле. Климат юга Вьетнама несколько суше и более благоприятный для человека, и он должен был способствовать укреплению здоровья Ле Зуана. Естественно, я очень волновался. Ведь это не просто встреча с кем-либо, а с генеральным секретарем ЦК КПВ, да еще в первый раз. Ле Зуан встретил нас на веранде, пожал нам руки и пригласил сесть в кресла к небольшому столику. Принесли воду, разлили в бокалы пиво и поставили по рюмке красного вина. На столе

стояли фрукты, которые в большинстве своем были мне неизвестны. Мы поинтересовались здоровьем Ле Зуана. Он ответил, что чувствует себя нормально. Затем он стал говорить о сотрудничестве между нашими странами, партиями и правительствами в различных областях, в том числе экономической и военной. Говоря об экономическом положении в стране, он подчеркнул необходимость больше и рациональнее использовать пахотные земли, так как только в двух провинциях юга 4 000 000 га земли, пригодной для возделывания риса и других культур, не используются, некому обрабатывать. Говорил о слабом участии сельского населения юга в решении продовольственной программы. По его заявлению, крестьяне юга работали всего лишь 100 дней в году, а на севере - до 250-300 дней. Предложил мне подумать о перспективах участия армии в решении вопросов сельского хозяйства и промышленности. Речь шла о том, чтобы три месяца в году привлекать вьетнамские войска для уборки урожая и решения других сельскохозяйственных задач. Он дал высокую оценку помощи Советского Союза в области экономического развития и военного сотрудничества. Тепло поблагодарил генерала армии Обатурова за проделанную работу как главного военного советника и пожелал ему счастливого возвращения на Родину, здоровья и счастья. Геннадий Иванович тепло поблагодарил Ле Зуана за то, что при всей его занятости государственными и партийными делами сумел найти время принять нас. Он пожелал Ле Зуану здоровья и успехов в его нелегком труде по руководству партией и страной. Затем я поблагодарил товарища Ле Зуана за возможность представиться. Заверил его, что не пожалею сил для оказания помощи ВНА, в повышении ее мобилизационной и боевой готовности. Ле Зуан поднял рюмку с вином и предложил выпить за наше здоровье. Он очистил от кожуры какой-то плод, который я видел впервые, и подал мне. Это был знак особого уважения и я с благодарностью принял его. Должен сказать, что этот жест внимания запомнился мне на всю жизнь. После чашки чая мы поднялись вслед за Ле Зуаном и в его сопровождении подошли к ступенькам виллы. Он по очереди обнял нас и пожелал успехов в нашей работе. Мы в свою очередь еще раз пожелали ему крепкого здоровья и больших

успехов. В ходе беседы я отметил в своем сознании попросту, доступность и обаятельность руководителя КПВ, страны, его ясный ум и умение в короткое время поднять большие вопросы международной обстановки, осветить внутреннюю жизнь страны и проблемы, стоящие перед ней. Никуда не заезжая, как нам предполагалось, мы поехали на аэродром. По плану мы должны были через час совершить поездку в Пномпене, где нас уже ждали кампучийские, вьетнамские и советские товарищи. Погода стояла хорошая, под самолетом хорошо просматривались рисовые поля, залитые водой. Геннадий Иванович отметил, что еще год назад эти поля далеко не все обрабатывались, а сейчас они все возделаны. Значит население начинает возвращаться в эти края после полпотовского геноцида. На аэродроме нас встретил министр обороны Кампучии Бут Хонг, начальник Главпура Сойкэу, главный советник ВНА полковник Май Суан Тан, исполняющий обязанности старшего советского военного советника полковник Новожицкий и советник при Главпуре заместитель главного военного советника по политической части полковник Смирнов. С аэродрома мы поехали в Генеральный штаб. Там уже ждал нас министр обороны НРАК Бут Хонг со своими товарищами. Геннадий Иванович поблагодарил министра обороны за сотрудничество, представил меня как нового главного военного советника при ВНА. Бут Хонг поблагодарил за оказанную помощь, пожелал Геннадию Ивановичу благополучного возвращения на Родину, здоровья и счастья. Затем он тепло приветствовал меня по случаю моего прибытия на должность главного военного советника и пожелал успехов в работе. После встречи у МО Кампучии мы нанесли визит вьетнамским товарищам. Принимал нас полковник Май Суан Тан. Беседа носила общий характер. Никаких проблемных вопросов не обсуждалось, хотя они были. Именно в Кампучии создались некоторые трудности в согласовании действий советских и вьетнамских советников, и надо было обсудить вопрос разделения функций между советскими и вьетнамскими советниками, не разрушая тесного взаимодействия между ними. Затем мы были приняты Чрезвычайным и полномочным послом Советского Союза в Кампучии Басториным Олегом Владимировичем.

Молодой, подтянутый, с хорошими манерами, умный и проницательный, он произвел на меня хорошее впечатление. О его всесторонних способностях говорил мне Геннадий Иванович еще до встречи с послом. Чувствовалось, что Геннадий Иванович с уважением относится к этому человеку. Мы обсудили положение в Кампучии, обменялись мнениями. Собственно говоря, обменивались Геннадий Иванович и Басторин Олег Владимирович, а я больше слушал. Затем состоялся прием. Выступил с тостом МО Кампучии Бут Хонг, который поблагодарил советских и вьетнамских товарищей за помощь, за сотрудничество. Затем выступил с тостом Геннадий Иванович. На этом прием закончился. На приеме чувствовалась какая-то настороженность, напряженность... Отлет в Лаос был намечен на 7.00 утра 25.08.1982 г. Об этом знали кампучийские, вьетнамские и советские товарищи. Все на аэродром прибыли своевременно, кроме кампучийцев. Мы ждали их 40 минут, но никто так и не прибыл. Можно было подождать еще, но нас ждали в Лаосе, а там тоже было все расписано по часам. Только когда самолет стал выруливать для взлета, кто-то из кампучийцев появился на аэродроме... На аэродроме во Вьетнаме нас встретили лаосские товарищи, представители нашего посольства и исполняющий обязанности главного военного советника при министерстве обороны ЛНДР полковник Кацирашвили Амзар Сергеевич. С аэродрома мы поехали в министерство обороны. У входа в здание министерства обороны нас тепло встретил министр обороны Лаоса генерал армии Сипфандонг Тхамтай. Затем мы прошли в помещение, где уже находились начальник Генерального политического управления генерал-лейтенант Сифон и заместитель МО ЛНДР генерал Самсак. Состоялась дружеская беседа. МО Лаоса сердечно поблагодарил генерала армии Г. И. Обатурова за тесное сотрудничество, за постоянную помощь в решении вопросов строительства НАЛ. Тепло поговорили о работе наших военных советников, о хороших взаимоотношениях между командованием Народной Армии Лаоса, нашими и вьетнамскими товарищами. Геннадий Иванович представил меня руководству министерства обороны. После теплой встречи мы были приняты послом Вьетнама в Лаосе, где находился и главный военный советник ВНА

полковник Хоа, провоевавший в Лаосе более 22 лет. Это замечательный воин. В 15.00 25.08.1982 г. мы вылетели обратно во Вьетнам и в 17.40 были на Ханойском аэродроме. Возвратившись в Ханой, мы опять работали над изучением намеченных вопросов. Геннадий Иванович освещал положение дел о сотрудничестве между обеими сторонами. На следующий день к 8.00 нас пригласили на встречу с министром обороны СРВ генералом армии Ван Тиен Зунгом. Эта встреча была практически рабочей. Министр обороны как бы подытожил деятельность советнического аппарата, возглавляемого Г. И. Обатуровым и нарисовал перспективу дальнейшей совместной работы. Я понял, что это было сделано специально. В подведении итогов он тепло говорил о деятельности советнического аппарата, но вместе с тем подчеркнул, что не все проблемы решены. Вечером состоялся прием по случаю убийства Геннадия Ивановича в СССР и моего назначения на эту должность. Перед приемом мы собрались в гостиной. Началась церемония награждения Геннадия Ивановича. Он награждался орденом "За службу Родине" 1-й степени и медалью "За Дружбу". Все было очень торжественно. Теплую речь произнес Ван Тиен Зунг. С ответным словом выступил генерал армии Обатуров. Затем состоялся ужин. С тостом выступили МО СРВ, Г. И. Обатуров, командующие видами ВС ВНА, выступил и я. Все прошло хорошо. На этом ужине мы с Алевтиной Васильевной познакомились с женой МО СРВ Тхе Ки. Это была уже немолодая женщина, скромная, сохранившая свежесть лица. Она произвела хорошее впечатление. Прощаясь, МО СРВ выразил желание вновь встретиться со мной в рабочем порядке. Я поблагодарил за предоставленную возможность. Какие вопросы будут обсуждаться, он не сказал и я понял, что ему просто хочется поближе познакомиться. С утра 27.08.1982 года была намечена встреча с председателем Совмина СРВ Фам Ван Донгом. Мы прибыли к президентскому дворцу к 10.00 утра и нас сразу пригласили на встречу. Я никогда до этого не встречался и не видел Фам Ван Донга. Мы вошли в небольшой зал, где нас он встретил. Вначале доложил Геннадий Иванович, а затем представился я. Он поздоровался и пригласил сесть. Геннадий Иванович выразил сердечную благодарность за внимание, за поддержку в

работе, за высокие награды, пожелал Фам Ван Донгу крепкого здоровья и больших успехов в работе. В ходе своего выступления он представил меня, осветив мой служебный путь. Затем говорил Фам Ван Донг. Он тепло отозвался о сотрудничестве между нашими партиями, странами в различных областях, поблагодарил Геннадия Ивановича за проделанную работу, пожелал ему больших успехов и крепкого здоровья. Он приветствовал меня как нового главного военного советника, пожелав мне больших успехов в работе, здоровья и благополучия. Несколько слов сказал и я, поблагодарив за возможность представиться, заверив, что я не пожалею сил для выполнения своего служебного, партийного и интернационального долга. Товарищ Фам Ван Донг попросил передать Д. Ф. Устинову и нашему правительству, что они довольны работой Геннадия Ивановича. Вечером дал прием Геннадий Иванович. На приеме выступил Чрезвычайный и полномочный посол СССР в СРВ Б. Н. Чаплин. Он говорил о сотрудничестве между нашими странами, о проделанной работе с генералом Г. И. Обатуровым. На следующий день мы проводили Геннадия Ивановича в Москву. Итак, прием дел и должности состоялся. Теперь надо было все проанализировать, взвесить, собраться с мыслями, уточнить план работы, внести необходимые коррективы, исходя из тех задач, которые вырисовывались в ходе бесед с Г. И. Обатуровым, с вьетнамскими и лаосскими товарищами, и тех сведений, которые я успел получить за этот короткий период и приступить к его выполнению. Уточнение плана работы до конца 1982 года оказалось делом весьма сложным. Полученной информации оказалось недостаточно и это я сразу почувствовал, оставшись наедине со своими мыслями. Оперативно это можно было сделать в ходе заслушивания советника при начальнике Генерального штаба ВНА генерал-лейтенанта Ж. К. Кереева, советника при начальнике Главного оперативного управления генерал-майора Н. Ф. Шмаль, советников при видах и родах войск, при командующих военных округов и армейских корпусов, при военных академиях и училищах, при политуправлении и тыле ВНА. Для этого потребовалось еще несколько дней кропотливой работы. В ходе заслушивания меня интересовали вопросы,

связанные с данными о группировке китайских войск и характере их боевых действий на северном стратегическом направлении, группировке вьетнамских войск, характере обороны и оборонительных действий соединений и частей ВНА на этом направлении, состоянии сил и средств ПВО, ВВС и характере их боевых действий, состоянии вооружения и техники, состоянии тыла ВНА, связи и управления, политико-морального состояния войск и воинской дисциплины, характере взаимоотношений между вьетнамскими товарищами и советскими военными советниками и специалистами и т. п. Вполне понятно, что в ходе заслушивания освещались и другие вопросы. Было бы утомительно излагать содержание докладов. Хочу только отметить, что они были в подавляющем большинстве квалифицированными и мне удалось в значительной степени пополнить свои знания многими данными и шире взглянуть на положение в ВНА. Но меня взволновали заявления некоторых советников и военных специалистов, что нашими предложениями и рекомендации вьетнамскими товарищами не всегда принимаются доброжелательно, а иногда и отвергаются. Об этом мне говорил и Геннадий Иванович Обатуров. Достаточно сказать, что пятилетний план строительства ВНА, разработанный советскими военными советниками и специалистами под руководством генерала армии Г. И. Обатурова, оставался не утвержденным министерством обороны ВНА, хотя уже шел второй год пятилетки. Вьетнамским товарищам настойчиво предлагалось ввести в ВНА единоначалие по нашему советскому образцу, но руководство страны и Вооруженных Сил не торопилось его вводить. Советские товарищи предлагали принять закон о наказании военнослужащих за воинские преступления, но ко времени убийства Геннадия Ивановича он не был принят. Не было принято положение о разграничении функций между вьетнамскими и советскими военными советниками в Кампучии и Лаосе, что серьезно сказывалось на их взаимоотношениях. И, наконец, не был разработан оперативный и мобилизационный план, так необходимый для страны и ее вооруженных сил. В чем дело, где причина такого отношения, кто повинен в этом? Надо было тщательно разобраться. А ларчик, как говорится, открывался просто, все эти

вопросы разрабатывались без активного участия вьетнамских товарищей, без учета их мнений. Много было и других нерешенных вопросов. Учитывая то, что Вьетнамская кадровая Армия только создавалась, многие проблемы нельзя было решить за такой короткий срок, и это должен был понимать и я, как главный военный советник и весь наш аппарат советников. Мне уже было известно, что вьетнамское военное руководство, возглавляемое членом Политбюро КПВ, министром обороны СРВ генералом армии Ван Тиен Зуангом, завершают разработку вьетнамской военной доктрины, которая почти полностью основывается на историческом опыте борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость своей страны и почти не учитывает опыт 2-й мировой войны и опыт Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941- 1945 годов. Первоначально, по известным причинам, я не располагал сведениями по этому вопросу и ничего определенного не мог сказать, но это обстоятельство заставило меня прийти к выводу о необходимости как можно быстрее изучить исторический опыт борьбы героического вьетнамского народа с китайскими, монгольскими, французскими, американскими и другими завоевателями, пытавшимися поработить страну и ее народ. Одно время мне казалось, что я неплохо осведомлен по Китаю и правильно представляю его историю, обычаи и нравы его народа. Но вот мне посчастливилось получить из рук моего друга генерал-лейтенанта Сидорова Александра Георгиевича уникальную книгу, написанную немецким исследователем Китая Э. Гессе Вартегга "Китай и китайцы". Она была издана на русском языке в Петербурге в 1914 году. Изучению Китая, его истории, нравов и обычаев народа, его психологии и других вопросов автор посвятил 25 лет. Он исключительно талантливо, исторически последовательно показал многогранные аспекты становления китайского государства, эволюцию развития экономики, культуры, науки, общественного строя и военного дела. Он раскрыл психологию, обычаи и нравы китайцев до мельчайших подробностей, прочитав этот труд, ты скажешь себе, что раньше ничего, или почти ничего не знал о Китае и китайцах, а сейчас ты знаешь о стране и ее народе многое. Я употребил выражение "эволюция развития" не случайно. Китай, являясь одним из древнейших

государств мира, давший человечеству немало великих открытий и изобретений, но в XIX веке и начале XX века развивался медленно, в силу удивительной привязанности к сохранению всего национального, уже существующего, установившегося. Китайцы, по утверждению автора, почти игнорировали достижения европейских государств в области науки, культуры, промышленности и сельского хозяйства. Всеми миру были известны достижения китайцев в производстве шелка, чая и других видов товаров, которые были вне конкуренции по количеству и качеству, но когда Европа начала производство шелка с использованием ткацких станков высокой производительности, китайский шел стал неконкурентоспособным и Китай потерял господство по сбыту шелка на рынках Европы и других стран мира. Когда почти все страны Европы уже пользовались иглами промышленного производства, китайцы продолжали их производство еще кустарным способом. Китайская армия к концу XIX века в значительной степени была вооружена луками, стрелами, пиками и другими средневековыми вооружениями и была не способна противостоять армиям капиталистических государств, безнаказанно захватившим почти все восточное побережье Китая. Автор книги "Китай и китайцы" на 31 странице пишет: "Триста лет назад манжуры показали себя превосходными воинами: им удалось завоевать громаднейшее государство Азии и посадить на трон низвергнутой "китайской" империалистической династии своего генерала, - зачем же им было менять свою проявившую себя так блестяще военную организацию? Не мудрено, что они сохранили последнюю чуть ли не с суеверным благоговением. Но вот, им пришлось убедиться, что вооруженные луками и стрелами воины не могут устоять против европейских солдат, вооруженных новейшим огнестрельным оружием; тогда они снабдили свои войска ружьями, заряжающимися с казны, и крупновскими пушками, но о том, что перевооружение должно вести за собой и соответствующие изменения всего военного строя государства, до сих пор не подумали, хотя казалось, их могли бы навести на эту мысль неудачные их войны с англичанами, французами и, наконец, с японцами". Пусть меня не осудит читатель, но мне кажется, что не

прочитав этой книги, трудно представить Китай и его народ, также как не прочитав книгу Голсуорси "Сага о Форсайтах", нельзя познать Англию и ее народ, не прочитав книгу Л. Н. Толстого "Война и мир", нельзя познать Россию и ее народ, не прочитав "Собор Парижской богородицы" Виктора Гюго, нельзя познать народ Франции и т. п. Разумеется, что одна книга, как бы она ни была содержательной, не может полностью ответить на все вопросы, которые тебя интересуют, но дать представление о стране, ее народе, нравах, обычаях, характерах людей вполне может. Но не будем углубляться в эту тему и возвратимся к августовским делам 1982 года. Время шло быстро, дни отсчитывались неумолимо, а нерешенных вопросов оставалось много. Надо было прежде всего завершить уточнение плана работы военных советников до конца 1982 года и разработку личного плана. После обстоятельного заслушивания генералов и офицеров нашего аппарата обстановка прояснилась и появилась возможность приступить к конкретной работе. Предстояло прежде всего изучить характер обороны на северном стратегическом направлении, лично убедиться в правильности ее построения: организации системы артиллерийского и ружейно-пулеметного огня, инженерных заграждений, в надежности организации взаимодействия между подразделениями и частями на всю глубину обороны. На изучение северного стратегического направления требовалось не менее 15 дней упорной работы. Эта работа осложнялась тем, что на многих участках боевые действия подразделений, до батальона включительно, со стороны противника еще пока не прекращались. Время торопило и с изучением обстановки в Лаосе и Кампучии, ее надо было изучить не только по докладам, а главным образом личным посещением районов боевых действий. Как бы я не старался уплотнить время и побыстрее перейти к решению главных задач, но спланированные ранее мероприятия и предложения вьетнамских товарищей вносили существенные коррективы в личный план работы. Они хотели побыстрее ознакомить меня с достопримечательностями Ханоя, с его многочисленными памятниками, с мавзолеем Хо Ши Мина, домиком, в котором он жил, да и самому хотелось побыстрее все увидеть и

запечатлеть в своей памяти. Для осуществления предложенной вьетнамскими товарищами программы решили использовать выходные дни, когда я находился в Ханое. При посещении исторических памятников, музеев, парков и достопримечательностей столицы предусмотрительный и внимательный начальник Главного политического управления ВНА генерал армии Тю Хюи Ман обязательно выделял офицера-политработника, хорошо знающего объект посещения и владеющего русским языком. Первое, что мы сделали - это 29 августа 1982 года посетили мавзолей Хо Ши Мина, который произвел на нас большое впечатление. Его строили советские инженеры с учетом опыта эксплуатации мавзолея В. И. Ленина в Москве и последних достижений науки. Обслуживали мавзолей Хо Ши Мина советские и вьетнамские специалисты весьма успешно. В один из дней мы посетили домик, где работал Хо Ши Мин. Домик был расположен в парке у небольшого озера, в котором имелось много рыбы. У мостика находилась специальная посуда с пареной кукурузой, предназначенной для корма обитателей озера. Солидные рыбины, заметив людей, подплывали к мостику и безбоязненно высовывали головы в ожидании угощений. Они совершенно не боялись присутствия людей и почти с рук брали пищу. В СРВ широко внедрялась практика строительства небольших прудов у каждого дома, где только позволяли условия, особенно в сельской местности и на окраинах города. Сооружение водоемов дело не очень сложное. Плотный, непроницаемый слой глины находится под гумусовым слоем на глубине 50-100 см и эти водоемы после их создания легко заполнялись дождевой водой и постоянно подпитываются дождями, которых выпадает достаточное количество. В этих водоемах и разводится рыба, которая дополняет весьма скудный питательный рацион вьетнамцев. Понаблюдав за рыбами, мы пошли к домику. Он находился в нескольких десятках метров от озера. Среди деревьев мы поднялись на открытую приподнятую над землей веранду, побывали в маленькой прихожей, осмотрели рабочий кабинет и столовую. В спальню, которая находилась на втором этаже, мы не заходили. Домик был исключительно скромный, но очень уютный, располагающий к работе и отдыху. Сопровождающий нас экскурсовод

очень интересно посвятил нас в особенности жизни и работы Хо Ши Мина, но даже без комментариев можно было убедиться в исключительной скромности вождя вьетнамского народа. Между тем мое вращение в должность началось с очень конкретной и серьезной работы - началась подготовка командно-штабного учения с I-ым армейским корпусом. Оно было задумано как армейское учение по теме "Ведение оборонительного сражения по отражению превосходящих сил противника и переход в контрнаступление". Горячим поборником такого масштабного учения был наш советник при начальнике Генерального штаба ВНА генерал-полковнике Ле Чонг Тане генерал-лейтенант Кереев Жансен Кереевич. Заместитель начальника Генерального штаба ВНА генерал-лейтенант Лен Гок Хиен был категорически против такого масштаба учения. Начальник Генерального штаба генерал-полковник Ле Чонг Тан непосредственно не участвовал в дискуссии при обсуждении темы учения, но по всем было видно, что он поддерживал мнение своего первого заместителя, окончившего советскую академию Генерального штаба и имевший достаточный боевой опыт. Генерал-лейтенант Лен Гок Хиен аргументировал свою позицию тем, что в ВНА нет армейского звена и оно, особенно на северном стратегическом направлении, в связи с исключительной сложностью рельефа местности, не нужно, что самым оптимальным организационным звеном должен быть армейский корпус. С другой стороны при планировании армейской оборонительной операции и переходе в контрнаступление вьетнамские товарищи не желали отрабатывать этап наступления на чужой территории даже на картах. Можно было признать правомерность доводов вьетнамской стороны, но было уже поздно. Замысел и план проведения учения были утверждены моим предшественником и мы общими усилиями выработали компромиссное решение - отработать вопросы ведения оборонительного сражения, спланировать контрнаступление, а динамику контрнаступления не отрабатывать. Остановившись на этом варианте, мы дали возможность командованию ВНА продолжить подготовку к проведению учения, а самим заняться текущими делами. Неожиданно возник вопрос о нарушении советской стороной

соглашения о заходе наших кораблей в бухта Камрань. Так утверждал заместитель начальника Генерального штаба ВНА генерал-лейтенант Фунг Тхе Тай, курировавший во то время ВМС, ВВС и ПВО. Когда мне стало известно об этом, я прежде всего должен был изучить положения договора о заходе наших кораблей, без чего нельзя было вести беседу по этому вопросу с вьетнамской стороной. Оказалось, что некоторые товарищи из нашего коллектива участвовали в переговорах по этому вопросу. Они сообщили мне, что переговоры были сложными и даже несколько раз прерывались. Дело в том, что после разгрома сайгоновских марионеточных войск и американских оккупантов и объединения Вьетнама, многие страны мира стали помогать Вьетнаму в восстановлении разрушенной в течение 30-летней войны экономики. При подготовке соглашения о заходе советских кораблей в бухту Камрань вьетнамское руководство опасалось, что после его подписания и вступления в силу, некоторые страны откажутся оказывать Вьетнаму экономическую помощь. И действительно, как только было подписано соглашение о заходе наших кораблей в бухту Камрань, многие страны, в результате антивьетнамской пропаганды, экономическую помощь прекратили и только СССР и страны социалистического содружества продолжали эту помощь. Хотя речь в договоре шла о заходе на 2-3 дня всего лишь 2-3-х кораблей, после чего они должны были уйти и только после этого могла зайти новая группа кораблей в таком же количестве, западная пропаганда не унималась. Справедливости ради надо заметить, что в ходе подготовки соглашения о заходе наших кораблей в бухту Камрань отрицательное мнение высказывали некоторые представители нашего Генерального штаба, но уж очень настаивали на необходимости такого соглашения Главнокомандующий ВМФ СССР Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков и министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. Лично я считал такое соглашение разумным. Бухта Камрань находится на половине пути между Индийским и Тихим океанами и исключительно удобна для стоянки кораблей, что позволяло судам пополнить запасы воды, продовольствия, организовать отдых экипажам, устранить

возникшие мелкие неисправности, укрепляло обороноспособность СРВ. Хотя на наши корабли формально не возлагалась какая-либо оборонительная задача в отношении дружественной нам страны, но враги Вьетнама отлично понимали, что Советский Союз в случае необходимости беззащитным СРВ ни на море, ни на суше не оставит, и это их серьезно волновало. На западную пропаганду можно было бы и не обращать внимания. США имеют в бассейне Тихого и Индийского океанов сотни первоклассных военно-морских баз и это считается нормальным. Мы же придерживались всегда такого мнения, как бы чего не вышло, как бы нас не осудили, как бы нас не обвинили. Мы не решались развернуть свою армию в канун нападения гитлеровских полчищ на нашу страну и крепко поплатились за это. Этот урок не пошел впрок. По вопросу нарушения соглашения о заходе наших кораблей в бухту Камрань состоялась встреча с генерал-лейтенантом Фунг Тхе Тай, на которой я сказал ему, что при посещении Камрани разберусь лично и приму меры к недопущению впредь подобных случаев, а речь шла только о том, что наши корабли задержались с выходом в море после стоянки по техническим причинам на двое суток. Вьетнамская сторона удовлетворилась результатами обмена мнениями по этому случаю. Вопрос о нарушении соглашения нашими кораблями невольно возник на следующий день при встрече с Чрезвычайным и полномочным послом СССР в СРВ Б. Н. Чаплиным. Он возвратился после отпуска и пожелал встретиться с главным военным советником, а необходимость этой встречи была обоюдной. Борис Николаевич уже более 10 лет возглавлял посольство СССР в СРВ, отлично знал страну пребывания, знал ее нужды и много делал для их удовлетворения. Он пользовался большим авторитетом у вьетнамских друзей и среди работников посольств многих стран. Это позволяло ему успешно решать возникающие проблемы. Встреча с Борисом Николаевичем Чаплиным длилась около четырех часов. Он со знанием обстановки охарактеризовал отношения СССР и СРВ в области экономических, политических, военных, культурных, научных и других сферах, подчеркивая их успешное осуществление. Отмечая динамичность сотрудничества наших

стран он неоднократно останавливался на нерешенных вопросах, на трудностях в решении экономических проблем. Эти трудности выражались в слабом обеспечении народа продовольствием, промышленными товарами, нефтепродуктами. Страна с 56-миллионным населением располагала в год, 1,5-2-мя миллионами тонн нефтепродуктов, что крайне мало, а добыча собственной нефти в районе Вунгтау задерживалась. Страна нуждалась в дополнительных поставках металла, удобрений, автотракторной техники, станков и оборудования. Борис Николаевич много внимания уделил строящимся с помощью СССР промышленным объектам и особенно гидроэлектростанций. Борис Николаевич напомнил мне, что наши предложения не всегда принимались, ибо они предлагались без учета огромного собственного опыта ведения боевых действий с многочисленными врагами, накопленного многими веками. Отдельные советские товарищи воспринимали отказ вьетнамских товарищей следовать нашему опыту болезненно, как попытку игнорировать наш опыт. Это и порождало мнение, что они не желают нас слушать, отказываются от рекомендаций и т. п. Все это очень скоро и ярко проявилось при подготовке командно-штабного учения с 1-ым АК. Вопрос о нарушении соглашения нашими кораблями невольно возник на следующий день при встрече с Чрезвычайным и полномочным послом СССР в СРВ Б. Н. Чаплиным. Посол дал высокую оценку военному сотрудничеству наших стран и деятельности советских военных советников, подчеркнув при этом, что не все предложения наших советников принимаются вьетнамской стороной. "А что случилось в Камрани? Что произошло?" "В Камрани, как мне доложили, задержались с выходом в море, по техническим причинам, два наших корабля. Вьетнамские товарищи болезненно отреагировали на это. В ближайшее время планирую лично побывать в Камрани и разобраться с этим случаем". "Ну хорошо. Это будет правильно. Вьетнамские товарищи поймут, что мы быстро отреагировали". "О результатах посещения Камрани я вас проинформирую по возвращению в Ханой". "Хорошо. я очень доволен нашей встречей. Нам надо встречаться как можно чаще. Обстановка, особенно на границе, довольно часто меняется и мы должны быть

хорошо информированы об этом для правильного реагирования". Поблагодарив посла за обстоятельную информацию, мы попрощались. Я был доволен встречей. Мне понравилось, что он живет интересами Вьетнама, а это гарантировало успех в его деятельности, создавало здоровый климат в коллективе посольства, во взаимоотношениях с партийным и государственным руководством страны и ее народом. По скромному личному опыту пребывания в других странах я уже знал, что приобрести друзей, завоевать их доверие и сердца можно только тогда, когда ты искренен, душой и сердцем уважаешь народ страны, среди которого ты живешь, когда ты готов в любую минуту прийти на помощь своим друзьям и товарищам. Что касается перспективы наших взаимоотношений с послом, то я был уверен, что они сложатся нормально, что мы будем понимать друг друга, хотя от посольских товарищей я уже знал, что Борис Николаевич бывает не только доброжелательным, но и очень требовательным и взыскательным. Итак, все первые встречи были позади. Сейчас можно было полностью окунуться в повседневные дела, а их было бесконечное множество. На второй день предстояла рекогносцировка полкового тактического учения с боевой стрельбой одного из полков армейского корпуса. В это хозяйство мы вылетели рано утром. После проливного дождя стоял легкий туман и я боялся, что нас могут возвратить, но обошлось все благополучно. Через 30 минут мы совершили посадку на стадионе возле штаба этого хозяйства. До сотни мальчишек, девочек и взрослых уже ожидали нашего прилета - просто посмотреть вертолет. Нас встретил и. о. командующего корпусом старший полковник Ай, советник при командире корпуса генерал Балыко, полковник Троицкий - советник при одной из дивизий. Генерал Балыко и его товарищи попросили меня посмотреть недавно построенный для наших специалистов и советников жилой городок. Это были одноэтажные здания для жилья офицеров на 12 семей, столовая, клуб и помещение для обслуживающего персонала. Городок произвел хорошее впечатление. На наружной стене клуба было много фотографий, отражающих боевое содружество братских армий по Варшавскому Договору, но ни одной фотографии из жизни ВНА. Я сделал замечание. Это было воспринято

правильно. На территории городка много банановых, лимонных и других деревьев. Генерал Балыко утверждал, что все это высажено нашими советниками. Мы решили долго не задерживаться, т. к. погода была неустойчивой и район полигона, где должны проводиться учения, мог закрыться туманом или пойти дождь, тем более, что он был в горах. В 9,00 мы взлетели и пошли на полигон. Внизу просматривались зеленые рисовые чеки, множество каналов и озер. Населенные пункты у подножья гор были с кирпичными постройками и под черепицей, что производило хорошее впечатление. Через 30 минут мы были над полигоном. Небольшие горы, долины, речушки и множество обработанных рисовых и других полей. Дома в населенных пунктах уже стояли без крыш, так как полигон отвели недавно и они сносились. В них еще жили отдельные семьи и нас это беспокоило. Вьетнамские товарищи утверждали, что к началу учения все будет убрано, т. е. выселено. Было жалко их. Ведь они жили здесь веками, а сейчас их жилье разрушалось и им надо было начинать новую жизнь и на новом месте. На полигоне были оборудованы площадки для посадки вертолетов. На одну из них мы совершили посадку и приступили к работе. На первой точке работали около двух часов. Решив все вопросы, мы перелетели на вторую точку. Поднялся сильный ветер, а это могло привести к срыву полета. Мы торопились. На второй точке проработали еще около двух часов. Ветер несколько стих и мы благополучно возвратились в расположение штаба корпуса. Старший полковник Ай пригласил нас на обед. Пообедав, мы рассмотрели по карте дислокацию соединений и частей корпуса, вопросы боевой и мобилизационной готовности и хода боевой подготовки. По всем этим вопросам были даны конкретные рекомендации. Они были приняты благожелательно. Пришлось сделать замечание по вопросу нарушения режима секретности. На ЦБУ никого из дежурных не оказалось. Оно было открыто, а в небольшой нише находились планшеты с картами, в том числе и с картой дислокации соединений и частей корпуса. В наших понятиях это было недопустимо, но вьетнамские товарищи относились к этому спокойно. Пребывая в штабе корпуса, мы узнали, что командование уделяет большое внимание обустройству войск и созданию

условий для хранения и обслуживания техники. Оказалось, что части и соединения этого хозяйства имеют свои кирпичные заводы, печи для обжига извести, производства черепицы, свои пилорамы и другие источники строительства. Трудности были с цементом и углем для обжига кирпича, черепицы и извести. Мне очень импонировало такое отношение к обустройству войск и я доброжелательно отметил их усилия, высказал мысль, что без обустройства войск и создания хорошей учебно-материальной базы нельзя рассчитывать на высокую боевую готовность, успехи в боевой подготовке и укреплении воинской дисциплины. В ответ и. о. командующего корпусом Ай заявил, что в одном из дивизионов была плохая дисциплина, а когда его обустроили, все стало на свое место. С утра следующего дня я готовился к выступлению перед секретарями наших партийных организаций, которые были собраны на трехдневный семинар. Надо было все продумать и сказать самое важное и самое нужное. Мне хотелось со всей силой подчеркнуть важность скромности нашего поведения, уважения достоинств и чувств вьетнамских товарищей, необходимость учета их опыта работы и опыта ведения боевых действий в течение 36 лет. Отмахиваться от него, говорить, что это партизанские методы было просто неразумно и оскорбительно для наших друзей, а подобное мнение бытовало и его надо было развеять. К 18.00 поехал выступать на семинаре. Перед началом генерал-лейтенант Павлов Петр Кузьмич познакомил меня персонально с каждым его участником. Возможно, это и не нужно было делать. Выступал 1 час 20 минут. Слушали внимательно. Я понимал, что каждому хотелось в какой-то степени изучить меня. Не придерживаясь текста, я вкладывал в свою речь то, что мне хотелось сказать им в смысле определения их поведения. По плану 8 сентября на АН-12 полетели в Камрань. Летели 2 часа 30 минут. Погода была облачной и до Дананга земля не просматривалась. Я думал о предстоящей встрече с вьетнамскими товарищами, о Камрани. Мне сказали, что командующий 4-ым военным морским районом обязательно построит почетный караул, а это меня никак не устраивало. Вообще я никогда не любил этой парадности, да и к чему она. Вскоре открылась земля и я смотрел на

многочисленные квадратики земли, почему-то не зеленого, а глинисто-белого цвета. Она не была похожа на землю в районе Ханоя. Неужели она не плодородная? Зачем тогда ее обрабатывают, затрачивают столько сил? Ответа не находил. Мои товарищи, летевшие в кабине самолета, строили догадки, что первый урожай собран, и поэтому они не зеленые. Возможно и так. Вскоре появился полуостров Камрань. Он был внушительных размеров, вытянувшись с севера на юго-восток. Вокруг Камрани еще несколько островов различной величины. Полуостров Камрана был весь в дорогах, как в паутине. Мне сказали, что их построили американцы, вложив в оборудование базы более 5 миллионов долларов. Зайдя с запада, самолет приземлился на прекрасном аэродроме с длиной полосы более 3000 метров. Нас уже ждали, выстроившись в одну шеренгу, командование 4-ым ВМФ и начальником ПМТО нашей базы капитан 1-го ранга Любимов Александр Владимирович со своими товарищами. Поздоровавшись с и. о. командующего 4-го ВМФ старших полковников Ле Дык Нье и остальными товарищами, мы поехали в расположение штаба ВМФ. Там уже стоял почетный караул, и мне ничего не осталось делать, как принять рапорт, обойти строй почетного караула, поздороваться с ним, и затем ознакомиться с руководящими товарищами ВМФ, стоявшими левее почетного караула. Затем нас пригласили в зал, где уже стояли столы с накрытыми приборами для чая. Необходимо было, прежде всего, обговорить возникший внезапно вопрос о заходе наших кораблей. В ходе обмена мнениями выяснилось, что никто из командования ВМФ этот вопрос не поднимал, да и заход кораблей был очень редким - за 1,5 года заходило всего лишь 14 судов и то 6 из них с грузами для СРВ. Но для большей убедительности я потребовал точно установить, какие корабли заходили, их наименования, время стоянок под разгрузкой и кому предназначались эти грузы. Так и было сделано. Теперь у меня была возможность дать принципиальный ответ генерал-лейтенанту Фунг Тхе Таю на его заявление. Но меня интересовал не только этот вопрос. Надо было все изучить, взвесить, дать определенные указания. Вторую половину дня я и уделил этому вниманию, изучив все объекты и то, что намечалось к строительству. Мы прибыли к

причалам. Из 6, положенных по плану, было только три. Возле них стояли наши суда. Меня пригласили на них для встречи с личным составом. Я в душе был рад встретиться с экипажами судов. Ведь они несли службу далеко от Родины и им хотелось встретиться здесь с советскими людьми. Стемнело, и мы поехали по приглашению вьетнамских друзей на ужин. За ужином ели кальмаров, раков и еще какие-то дары моря. Было душно и есть не хотелось, но не будешь же обижать друзей. Разговор происходил в узком кругу и невольно перешел к обсуждению проблем. Ле Дык Нье жаловался на плохую связь, отсутствие транспорта и другие вещи, явно рассчитывая на мою помощь. Обещать что-либо я не мог, кроме как доложить вьетнамскому руководству о положении дел. После ужина капитан 1-го ранга А. Любимов решил пригласить нас в парную. Желания особого не было, да еще после ужина, но мы были все вспотевшие и хотелось смыть пот и освежиться. В бане, построенной руками наших офицеров была русская и финская парная, а также душевые. Я не любитель париться и, сделав один заход в парную, принял душ. Затем зашли в бассейн. Он был прямо на улице. Вода не слишком прохладная, но все же освежила. Было приятно 10-15 минут побыть в бассейне. Надо было возвратиться в гостиницу и отдохнуть. Подъем наметили на 5.30, затем завтрак и поездка в Нячанг, где дислоцировались военно-техническое морское училище, училище связи и летно-техническое училище. Нячанг в 50 км от Камрани и не использовать такую возможность я не мог, тем более с процессом подготовки офицеров в училищах было далеко неблагоприятно, не хватало квалифицированных преподавателей с высшим образованием, слабая учебно-материальная база, некомплект техники, малое количество транспортных машин и т. п. Я всегда придавал особое значение училищам. Ведь именно они закладывают основу подготовки офицерских кадров, а следовательно, основу успехов вооруженных сил любой страны. Нячанг - один из лучших курортных городов СРВ, чем-то напоминает наши Гагры. От Камрани до Нячанга по побережью моря сплошная улица в 50 км. На дороге рисовая солома, по которой проезжают машины, обмолачивая колосья риса. Кое-где она уже убрана и небольшие бурны риса

сушатся на полотне дороги. Много деревьев с тропическими фруктами: бананы, папайя, кокосовый орех и еще какие-то мне неизвестные. Улицы Нячанга узкие, загружены велосипедистами, буйволиными повозками и машинами. Лошадей в СРВ я пока не встречал. Вскоре мы прибыли в военно-морское училище. Нас встретил начальник училища полковник Тай и советник полковник Артемьев. Я обрадовался, что моя просьба не строить никаких почетных караулов и не выстраивать офицеров выполнена, но каково было мое удивление, когда мы зашли на плац училища и увидели стоящий почетный караул у штаба училища. Опять пришлось согласиться и обойти строй почетного караула и поздороваться с офицерами училища. Я сказал советнику, что не надо было этого делать, ведь я предупреждал, но он ответил, что его не послушали и сделали по своему. Я понял, что, по всей видимости, такое распоряжение поступило от Генерального штаба ВНА. В течение полутора часов начальник училища и советник полковник Артемьев докладывали о положении в училище. Я внимательно выслушал их, задал несколько вопросов. Особо меня интересовал набор курсантов на текущий год. Оказалось, что все благополучно. Курсанты были набраны в нужном количестве. Так как половина преподавательского состава была только лишь со средним образованием, порекомендовал командованию училища обратить особое внимание на повышение общеобразовательного уровня, профессионального и методического мастерства. Это должно быть предметом особой заботы командования училища и советнического аппарата. Обсудили ход строительства учебно-материальной базы. При техническом содействии СССР в училище строилось два учебных корпуса, но не все было благополучно со сроками строительства. Пришлось строго указать капитану 1-го ранга Аверьянову на слабый контроль и помощь. Аверьянов был при ГВС и курировал строительство объектов в ВНА по линии технического содействия. Подобная работа была проведена в училищах связи и летно-техническом. Самое тревожное положение создалось у связистов. Из 820 курсантов к 9.9 было набрано всего лишь 72 человека, а учебный год должен начаться 15.9. Пришлось обратить внимание начальника училища и

советника на слабую оперативность в укомплектовании училища, необходимость принятия срочных мер. В авиационно-техническом училище разговор шел главным образом о большом отсеке курсантов в ходе учебы. До 50-60% курсантов отчислялось за время учебы, чем наносился большой материальный ущерб государству и создавался дефицит летчиков. Многие самолеты стояли без летчиков, что снижало боевую мощь авиации страны. Такое положение терпимым быть не может, сказал я начальнику училища и советнику полковнику Никонову. Они согласились принять мой упрек, как должное. Погода портилась. Шла гроза, а нам надо было еще посетить Дананг и посмотреть предложенный вьетнамскими товарищами городок для размещения нашего отряда самолетов АН-12. К 14.00 мы были на аэродроме Дананг. Погода в районе Дананга была хорошей и предоставлялась возможность хорошо рассмотреть с воздуха прекрасную долину с ярко-зелеными рисовыми чеками, широко разлившуюся реку Хан, бесчисленное множество отдельно стоящих домов с прилегающими к ним участками земли и садами вокруг домов. Дананг - морской порт, четвертый по численности населения город СРВ. Нам не удалось хорошо рассмотреть город. Мы решали узкую задачу и сразу после встречи с командующим 3 ВМФ полковником Тянь в его сопровождении поехали смотреть городок предназначенный для дислокации нашего авиационного отряда. Через 30 минут мы были в его расположении, но полковник Тянь пригласил нас к чаю. Мы попили чаю, съели по банану и занялись делом. За чаепитием мы узнали, что он после 37 лет службы увольняется и остается жить в общежитии, так как нет квартиры. Высказать ему наше сочувствие было неудобно. В его поведении и высказываниях чувствовалась подавленность и обида. Ведь он много воевал, хорошо командовал 3-м ВМФ и контр-адмирал Захаров Ф. Ф. давал ему высокую оценку как человеку и моряку. Заселять городок оказалось невозможным. Не было решено с электроэнергией, со связью и кондиционерами. Все это надо было решить в Ханое в ГШ. Опять шла гроза и темные тучи заволакивали горизонт, а надо было попасть в Ханой именно в этот день. Мы взлетели и, воспользовавшись просветом в облаках набрали

высоту. У Ханоя погода к этому времени улучшалась и мы благополучно совершили посадку. 10 сентября целый день занимался изучением пятилетнего плана развития ВНА. Это не простое дело. Надо усвоить весь комплекс вопросов по армии, а их было бесчисленное множество. За время службы в Советской Армии я хорошо усвоил, что решать любой вопрос квалифицированно, со знанием дела можно только тогда, когда ты в совершенстве знаешь положение дел. В этом случае могут возникнуть определенные вопросы, проблемы и мысли, так необходимые для дальнейшего совершенствования дела. Надо понять, что мне нужно было вести разговор, доказывать необходимость решения возникших проблем не кому-либо, а министру обороны СРВ - человеку очень опытному, прошедшему великую школу жизни, школу 35-летней войны с многочисленными врагами Родины, человека-теоретика народной войны, автора прекрасной книги "Великая победа весны 1975 года", в которой он ярко и всесторонне изложил героический опыт ВНА, достигнутый под руководством КПВ и ее руководителей Хо Ши Мина и Ле Зуана. В этой книге хорошо раскрыта роль члена политбюро ЦК КПВ Ле Дык Тхо, нынешнего начальника ГШ генерал-полковника Ле Чонг Тана, члена политбюро генерал-полковника Ле Дык Аня и других вьетнамских руководителей и полководцев. В операции "Хо Ши Мин" участвовало 5 армий. В ходе ее подготовки и ведения раскрылся в полной мере талант полководцев СРВ, великое предвидение, стратегический замысел политбюро ЦК КПВ во главе с Ле Зуаном. Не учитывать всего этого, сбрасывать со счетов все это, было бы кощунством, глупой самоуверенностью, оторванностью от реальной действительности. К большому сожалению, такая тенденция существовала, она явно просматривалась в деятельности некоторых советников, которые считали, что у вьетнамской армии существует опыт ведения партизанских действий, но нет опыта ведения современных операций. Думаю, что это было глубокое заблуждение. Естественно, что условия местности, недостаток сил кадровой армии СРВ дополнялся в значительной степени ведением партизанских действий, так называемой народной войны. Эта форма боевых действий порождалась обстановкой, условиями,

необходимостью. В данное время строилась кадровая армия на основе технической революции в ее оснащении современными средствами борьбы. Создавалась современная армия, которая должна была впитать опыт ведения войны Советской Армией в годы Великой Отечественной войны. Это самый передовой опыт в мире, он достигнут на полях ожесточенных сражений миллионами жизней советских людей, героизмом солдат, сражавшихся за свободу и независимость нашей прекрасной Родины, талантом наших полководцев, руководителей, героизмом всего советского народа. И мы, старшее поколение военных, прошедших школу войны и впитавшие в себя огромный опыт послевоенного строительства наших Вооруженных Сил должны были передать его нашим братьям по классу, по оружию, вьетнамским друзьям. Но он должен по моему убеждению, быть помножен, соединен с опытом ВНА, а не преподнесен и навязан в чистом виде. Вьетнам - это, в основном, горная страна, что налагает особый отпечаток на ведение боевых действий, соединениями и объединениями. В этом я убедился будучи на рекогносцировке всего лишь полковых учений с боевой стрельбой. Полигон был выбран нашим специалистами-советниками и характер местности был более-менее спокойным. Но в ходе рекогносцировки я убедился, как трудно на этой местности применить даже танковый батальон, не говоря уже о применении тп, тбр, мпд, которые мы так усиленно навязывали вьетнамской стороне. Горы, исключительно слабо развитая система дорог, бесчисленные заболоченные ручьи и небольшие реки даже в долинах и распадках создавали большие трудности для применения крупных механизированных и танковых соединений. Я пришел к выводу, что во внедрении этих соединений и частей должна быть очень разумная мера. В связи с этим возник вопрос о целесообразности ведения крупномасштабных операций, таких, к которым мы привыкли на необозримых просторах нашего ТВД. Думаю, что рекомендовать один к одному наш опыт ведения корпусных, армейских и фронтовых операций без учета условий местности СРВ просто недопустимо. В этом плане очень поучительна Моравско-Оставская операция 4-го Украинского фронта, проведенная с 10 марта по 5 мая 1945 года. В

этой операции от начала и до конца пришлось участвовать и мне. Именно в ней, хотя местность в районе Моравской Остравы более доступнее, чем на территории СРВ, проявились в полную силу влияние факторов местности на ведение армейских и фронтовых операций. Хочу заметить, что в Моравско-Остравской операции превосходство в силах и средствах была на нашей стороне, руководители операциями А. А. Гречко, К. С. Москаленко, И. Е. Петров, а затем и генерал армии А. И. Еременко. Это были опытные полководцы, прошедшие большую школу войны, одержавшие немало побед и тем не менее в этой горной местности в полном объеме применить их полководческое искусство было трудно. Горы диктовали свои условия, свои особенности, навязывали необычные формы ведения боевых действий. Иногда, по признанию А. А. Гречко, трудно было понять, в каком направлении действуют подразделения и части. Одни вели бой в западном, другие - в южном, третьи в северном, четвертые - в восточном направлениях. Так диктовали условия местности и характер обороны противника. 1-й ударной армии за один месяц ведения боевых действий пришлось трижды менять направления главных ударов, которые были связаны, естественно, со значительной перегруппировкой войск. Мне кажется, что опыт проведения Моравско-Остравской операции 4-м Украинским фронтом должен быть положен в основу рекомендаций для ВНА с учетом технической революции в военном деле. Но формы, способы ведения боевых действий в горно-лесистой местности диктуют необходимость создания определенной организационной структуры войск. Это неизбежно, и наши вьетнамские товарищи, не случайно, очень осторожно относятся к нашим рекомендациям. Все это надо еще глубоко осмыслить, взвесить, найти золотую середину, дабы из добрых побуждений не нанести вред нашей дружественной стране и ее вооруженным силам. Естественно, что все это очень занимало мои мысли. Я понимал, что КПСС, Советское правительство, МО СССР доверили мне здесь, находясь в дружественной стране СРВ, решать самостоятельно все эти проблемы. По опыту пребывания в ЧССР, ВНР, МНР, Эфиопии я уже знал, что надо, опираясь на наш опыт, в полную меру учитывать их опыт, принимая и

самостоятельные решения, прежде всего, не действовать по шаблону, по принципу как бы чего не вышло, лишь бы мне было спокойно, а остальное хоть трава не расти. Нет. Так быть не должно. Мне кажется, что советский человек должен быть смелым, не бояться принимать решения, если он убежден, что действует правильно. 12 сентября 1982 года началось крупное КШУ с I АК, игравшим за ЮА. Готовил и проводил учение начальник штаба аппарата главного военного советника генерал-лейтенант Кереев Ж. К. Должен заметить, что товарищ Кереев производил хорошее впечатление. Чувствовалась достаточная оперативная подготовка и опыт проведения подобных учений. Мне хотелось посмотреть на работу вьетнамских товарищей с получением директивы на контрнаступление. Вылетели вертолетом в 7.30 и в 8.00 были в районе КП I АК. КШУ в полном смысле этого слова не получилось. Вьетнамские товарищи, ссылаясь на отсутствие средств связи и палаток, никак не хотели занимать места КП соединений и частей в районе оперативного предназначения. Это снижало уровень учений, но что делать. Было решено осенью на оперативном сборе показать работу штабов в боевых условиях и научить вьетнамских товарищей этому искусству. В районе расположения штабов нас встретили заместитель начальника ГШ вьетнамской армии генерал-лейтенант Ле Нгок Хиен и генерал-лейтенант Кереев Ж. К. в 8.00 была вручена директива и командующий 10 А приступил к работе со своими офицерами штаба. Эта работа свелась к зачитке директивы. Никаких указаний после ее объявления командующий не дал, что вызвало у нас некоторое недоумение. Особенно горячился генерал Кереев. Казахская кровь бурлила в нем и приводила его в расстройство. Он тут же высказал свои замечания, хотя я считал, что это преждевременно. Даже у нас так не бывает. Надо дать хотя бы 20-30 минут на размышление. Но дело было сделано. Мне не понравилось, что наши советники не сидели рядом с подсоветными и не учили их как надо делать, а ведь это первое крупное учение с этим штабом. Надо было поправить и мы поправили. Ругать вьетнамских товарищей большого труда не составляло, а вот научить их было куда сложнее. Низкий образовательный и военный уровень подготовки многих офицеров - вьетнамцев не позволял им сразу все схватить и

решать на нашем уровне подготовки. Нужда выдержка и терпение, а этого у Жансена Кереева не хватало. Разобравшись в обстановке при нашей помощи, мы оставили вьетнамских товарищей для самостоятельной работы. В 15.00 ожидалось заслушивание командующего по решению и определению задач объединению, соединениям и частям. В домике, отведенном для нас, мы обсудили ход учений. Жансен Кереев доложил мне о положении с боевой готовностью соединений и частей I АК. Оказалось, что до 70% техники небоеспособно из-за отсутствия исправных аккумуляторных батарей. Даже те, которые стояли на хранении сухозаряженными, не могли приводиться в рабочее состояние из-за отсутствия электролита и дистиллированной воды. Это уже не первые сведения по состоянию техники, особенно автобронетанковой. Мне об этом говорил Г. И. Обатуров. Для меня было совершенно ясно, что решить задачу поддержания техники в боевом состоянии без соответствующей технической базы невозможно. Практически отсутствовали аккумуляторные, не было ПТО, ТЭЧ и других ремонтных объектов, так необходимых в наше время, в век максимального насыщения войск техникой. Это усугублялось еще и тем, что техническая подготовка офицеров была крайне низкой, а требовательность, взыскательность за плохое состояние ее практически отсутствовали. Надо было все это поправить. Но как? Министру Национальной обороны уже об этом докладывали, а сдвиги - пока слабые. Естественно, что я решил после обобщения материалов учения еще раз доложить МНО и НГШ об этом, попросить их принять меры, но мои мысли работали и в другом направлении. Мы даем дорогостоящую технику и вооружение. Это стоит миллионы. Но лучше было бы на этом этапе за счет некоторого сокращения его поставок помочь вьетнамской стороне создать техническую базу. Разумеется, что это нелегко сделать, но другого выхода я не видел. До заслушивания по решению обстоятельно поговорил со старшим полковником ГШ Чан До. Это была очень интересная беседа, открывшая мне глаза на многие положения оперативного искусства и тактики. Вообще это очень умный, целеустремленный человек и очень сосредоточенный. Я его знал несколько раньше по Улан-Уде и это позволяло мне вести

разговор один на один, что не стесняло его. Рано утром 13 сентября улетели в район учения. Должна была проводиться работа на местности по организации боя. Эта работа всегда вызывает интерес, так как она требует большого искусства. Когда вертолет совершил посадку, вьетнамская группа уже была на точке. Она располагалась на высоте и туда надо было забраться. Это первая высота, которую я должен был покорить на горных просторах страны. Впереди их было бесчисленное множество. Все обошлось благополучно, хотя взобравшись на высоту без передышки, дышалось тяжело. На точке уже были оборудованы места для работы и она началась. В работе и. о. командующего чувствовалась некоторая неуверенность, но все же он ее провел, хотя с большими издержками. Я решил поправить это и дал под запись вопросы, которые должны быть уяснены на местности. Вьетнамцы внимательно слушали и в их внимании чувствовалось согласие со всем сказанным. После небольшого 10- минутного перерыва работу на местности по постановке задач соединениям и частям повторили. Она получилась стройнее. Надо было после этого организовать взаимодействие, но и. о. командующего не собирался этого делать. Я понял, что он практически не имеет навыков в его организации. Тогда я опять пункт за пунктом изложил вопросы, которые должны быть решены по организации взаимодействия. Но не так-то просто сразу научиться его организовать. С большим трудом, кое-как оно было организовано. Закончив работу в полосе на главном направлении удара армии, мы должны были перелететь на вторую точку. Я не стал присутствовать на второй точке. Зачем двоим - мне и Керееву одновременно участвовать в учении, дублировать работу, тем более что слишком много было работы в штабе ГВС. После обеда мне сообщили, что предстоит встреча с товарищем Ле Чонг Таном - начальником ГШ. Я ждал этой встречи, но надо было хорошо подготовиться, ведь это первая встреча. Этой подготовкой я и занимался. Параллельно готовился к встрече с министром обороны СРВ, о которой мне сообщили накануне. С утра 14 сентября продолжил подготовку к встрече с МО СРВ генералом армии Ван Тиен Зунгом. Вопросы встречи, которые были предложены им, были очень серьезными. Он хотел проинформировать меня

о положении в регионе и в стране. Думая над этим вопросом, мне очень хотелось в ходе встречи задать ему вопрос, какую перспективу развития событий в Юго-Восточной Азии он видит в связи с образованием марионеточного правительства Народом Сианука. Какие акции можно ожидать со стороны стран Юго-Восточной Азии. Задать этот вопрос, на мой взгляд, можно было бы только при удобных моментах нашей встречи. Второй вопрос, который должен был обсуждаться - это о ходе нашего сотрудничества в рамках пятилетнего плана. Надо было изучить большой материал по нашему сотрудничеству. Наша позиция была весьма основательна в том плане, что Министерство обороны СССР план поставок за 1981 год выполнило полностью. Шли, в основном, нормально поставки и в 1982 году и не было сомнения в их выполнении. Что имеет в виду МО СРВ, ставя на обсуждение в рабочем порядке этот вопрос, пока было загадкой. Мне пришлось изучить весь материал за предшествующие годы, дать обоснования не только в количественном, но и в стоимостном выражении. С нашей стороны были обоснованные претензии к нашим друзьям по многим вопросам - очень низкий уровень поддержания в исправном состоянии техники, вооружения и боеприпасов, плохо выполнялись обязательства по техническому сотрудничеству в строительстве 38 объектов с вьетнамской стороны. Задерживалась подготовка многих зданий, корпусов и объектов к монтажу оборудования, поставки которого значительно опережали темпы строительства. Оборудование лежало в портах, на складах и в сложных климатических условиях приходило в негодность. Сотни тысяч советских рублей выбрасывались на ветер, а ведь это деньги нашего народа, нашей страны, которые она выделяет СРВ не от избытка, а в порядке интернационального долга. Хотелось в ходе обсуждения задать вопрос - почему до сего времени не уточнен и не утвержден пятилетний план 198-1985 годов. Казалось, на первый взгляд, что нет никаких причин к этому. Мы все выполняем и только нужно желание вьетнамской стороны окончательно уточнить некоторые позиции. Очень сложным был вопрос о пятилетнем плане Кампучии. Вьетнамские товарищи, не согласовав многие позиции пятилетнего плана по Кампучии с советскими

товарищами, предложили его утвердить Министру Национальной обороны НРК товарищу Бут Хонгу. Он его утвердил без учета наших предложений и наших поставок. Необходимо было добиться внесения серьезных корректив. Попытки внести эти предложения в бытность Г. И. Обатурова не привели к успеху. Эту миссию должен был выполнить я. По этому вопросу у меня была встреча с зам. министра национальной обороны ВНА Чан Ван Куангом, но он сослался на Ле Дык Аня, который дескать, курируя Кампучию, и должен решать этот вопрос. Получался замкнутый круг и его надо было разрубить. Возникали и другие вопросы, которые надо было поставить при встрече с МНО СРВ. Хотелось поставить вопрос о подписании протокола по разделению функций советских и вьетнамских товарищей в Кампучии и Лаосе и сохранении тесного взаимодействия между ними. Наличие советнического аппарата двух стран вносило трудности в работу. Вьетнамские специалисты, а по-существу советники, вносили свои предложения, наши - свои и не всегда точки зрения совпадали. Развивалась настороженность, некоторое недоверие к советским советникам и игнорирование их деятельности. Неприбытие кампучийских товарищей к самолету, на котором улетали Г. И. Обатуров и я, утром 23.8.1982 года именно этим и объяснялось. У меня начало складываться мнение, что наши вьетнамские друзья хотят максимально ограничить деятельность наших советников в Кампучии и иметь почти полную свободу действий. Это уже затрагивало престиж не только наших советников, но и нашей страны в целом. Разумеется, что такое положение терпимо быть не могло. Надо было найти путь решения этой проблемы, который лежал через подписание протокола. Хотелось обсудить вопрос укомплектования училищ и высших учебных заведений. Была порочна сама система набора в училища. Сами училища этим не занимались, а управление УВУЗ, которое общим чехом осуществляло набор для всех училищ, а затем распределяло набранных между ними. Была слабо поставлена информационная и агитационно-массовая работа среди населения по набору молодежи в училища. В училищах не было создано должных условий для преподавательского состава, командных кадров и курсантов. Практически все преподаватели и

офицеры училищ жили без семей, их зарплата ничем не отличалась от строевых командиров и политработников, не были введены поощрительные меры в воинских званиях и т. п. Очень слабая была материальная база училищ. Оклады, питание курсантов не отличались от солдат. Все эти проблемы, да и многие другие, во весь рост встали на пути привлечения лучших представителей народа в училища и академии. А именно здесь закладывались основы, фундамент социалистической армии, армии народа, стоящей на страже его интересов. В летно-техническом училище из набранных курсантов к концу обучения оставалось не более 1/3. Летчики никакими льготами по сравнению с курсантами и офицерами других училищ, не пользовались, а офицеры-летчики получали тоже денежное довольствие, что и офицеры пд, тбр, помб и т. п. Вот где крылись причины отсутствия у молодежи тяги идти в училища, особенно в авиационное. Над этими проблемами и пришлось размышлять. Но надо было подготовиться к встрече с товарищем Ле Чонг Таном, начальником ГШ ВНА, которая планировалась на 17.30. 14 сентября - т. е. сегодня. Я твердо решил при первой встрече, тем более что это было практически моим представлением НГШ, никаких крупных вопросов не ставить. Единственно, если будет возможность, затронуть вопрос о подписании соглашения по обмену информацией в области гидрометеослужб. Генерал-полковник Ле Чонг Тан только что возвратился из отпуска, который он проводил в ВНР и имел неоднократные встречи с МО ВНР генералом армии Лайошем Цинеге, с начальником ГШ ВНА генерал-полковником Иштваном Олах, с заместителем МО ВНА, государственным секретарем генерал-полковником Чеми Карой и другими товарищами. Я был убежден, что мои добрые венгерские друзья уже дали полную характеристику моей личности и я не ошибся. В 17.20, несколько раньше времени я прибыл к Генеральному штабу. У подъезда уже встречали переводчик майор ВНА Зеу и старший полковник ГШ товарищ Чан До. На крыльце ожидал моего прибытия начальник ГШ генерал-полковник Ле Чонг Тан. Он очень любезно встретил меня и заключил в объятия. Затем мы вошли в большой зал, где были переводчики с обеих сторон и помощник ГВС Г. Ф. Пичул. Ле Чонг Тан пригласил сесть за небольшой столик

на диван и сел рядом. Он начал приветствовать меня, высказывая пожелания доброго здоровья и успехов в работе по выполнению своего интернационального долга. Затем я поинтересовался, как он отдыхал, как его здоровье и семьи. Поблагодарив, он начал рассказывать о своем отдыхе в ВНР, о встречах с руководством ВНА, о добрых чувствах венгерских товарищей ко мне и передал приветы от МО ВНА и его заместителей. Я тепло поблагодарил его. Затем он стал рассказывать о Венгрии, где он побывал, что видел, о встрече с Маршалом Советского Союза В. Г. Куликовым, об охоте. Он был рад удачной охоте, на которой убил оленя. Беседа проходила очень сердечно и непринужденно. Затем он поинтересовался, как идут учения в I АК, какое у меня впечатление. Я доложил, не заостряя внимания на недостатках, что учение еще продолжается и было бы преждевременным давать ему оценку. Я сказал, что штаб I Ак выступает в роли 10 А, но будет ли идея создания армейского звена претворена в жизнь, еще неизвестно, хотя Геннадий Иванович Обатуров настойчиво добивался создания армейского звена и его предложение явилось причиной проведения учения с I Ак, штаб каждого действия в роли штаба 10 А в подтверждение выдвинутой идеи о создании армейского звена. Вот почему я не имел права отвергнуть предложение своего предшественника да у меня у самого не было твердого мнения по этому вопросу. Затем мы говорили о сложности рельефа страны, три четверти которой занимают горы, а низменности в устьях рек заболочены и рассечены большим количеством протоков, стариц и болот. Удобных районов для действия крупных объединений Сухопутных войск очень мало. Естественно, это наводило вьетнамских товарищей на мысль - нужны ли крупные объединения, особенно на севере страны, не лучше ли ограничиться корпусным звеном? Этот вопрос интересовал и меня. Но свое мнение я не высказал, оставляя его в резерве. Надо было еще раз все взвесить, прежде чем сказать да. Пока что у меня было такое мнение, что настраивать на создании армейского звена нет особого смысла. Как решат вьетнамские товарищи, так пусть и делают. Я был уверен, что они поступят благоразумно. В завершении встречи я не удержался и тактично высказал

сою просьбу о подготовке соглашения по гидрометеослужбе. Он доброжелательно отнесся к этому и поручил проработать вопрос полковнику Чан До. Меня это обрадовало. Беседа закончилась, кофе был выпит и, поблагодарив генерал-полковника Ле Чорг Тана, я собрался уходить. Он еще раз пожелал мне успехов в работе, проводил на крыльцо, где мы расстались. Довольный результатом встречи я уехал. А через день, 16 сентября, у меня состоялась встреча с министром обороны Ван Тиен Зунгом, на которой присутствовал НГШ ВНА. Ван Тиен Зунг решил посвятить меня в военно-политическую обстановку в регионе, в стране и рассмотреть вопрос о нашем военном сотрудничестве. В свою очередь я решил поставить перед министром обороны два вопроса: о подготовке к подписанию пятилетнего плана строительства ВНА и плана на 1982 год, которые были к этому времени не утверждены, и о разделении функций советских военных советников в Кампучии и Лаосе с вьетнамскими военными специалистами. Уже два года тому назад был подготовлен протокол, но наши друзья его не подписывали и не вносили своих корректив. Затягивание с подписанием этого документа было просто нетерпимым. Главное, что мы не видели причин к этому. Мы все делали, чтобы интересы наших вьетнамских друзей не ущемлялись, да и могли ли мы так поступить, ведь мы советские люди и воспитаны в духе интернационализма и дружбы не на словах, а на деле. Ван Тиен Зунг, после приветствия, начал излагать военнополитическую обстановку в регионе. Она сводилась к тому, что китайские гегемонисты, опять в заговоре с американским империализмом и японскими милитаристами могут развязать агрессию против СРВ с целью ее захвата и аннексирования Лаоса и Кампучии, открыв себе дорогу в Юго-Восточную Азию. Он утверждал, что они способны сосредоточить миллионную армию на границе с СРВ и Лаосом. Все это было совершенно правильно. Об этом мы все хорошо знали. Он говорил и о том, что китайские авантюристы могут попытаться захватить вьетнамские острова и архипелаг Чеонг-Ша (Спратли). Затем он охарактеризовал обстановку в стране, заметив, что она очень тяжелая в смысле обеспечения народа продовольствием. "Мы не можем накормить народ", - заявил он. Это связано с недостатками

в области хозяйствования, с низким уровнем расходной части бюджета, с преобладанием импорта над экспортом. Все это ведет к взвинчиванию цен на продовольствие. Это отражается и на армии. Затем он остановился на вопросах нашего сотрудничества. Он поблагодарил КПСС и Советское правительство, МО СССР за бескорыстную и эффективную помощь. Говоря о перспективном планировании на 1985-1990 годы и до 1995 года, назвал проблемы, которые должны быть включены в этот перспективный план. Это меня озадачило. Еще не утверждена текущая пятилетка, а мы говорим о перспективном планировании. Перспективное планирование должно основываться на материальной основе, но у нас пятилетки, страна руководствуется ими и сказать на 10-15 лет вперед просто невозможно. Я высказал эту мысль, но вместе с этим пообещал тщательно изучить этот вопрос. Затем была достигнута договоренность о выделении рабочих групп с той и другой стороны для окончательной разработки текущего пятилетнего плана. Предложение было принято. О разделении функций наших и вьетнамских специалистов и советников по Кампучии и Лаосу Ван Тиен Зунг пообещал организовать встречу с Командующим вьетнамскими войсками в Кампучии генерал-полковник Ле Дык Ань, который должен прибыть в Ханой в воскресенье для дальнейшего следования в СССР на лечение глаз. На этом встреча закончилась. Все это только половина дела. 5-часовая встреча должна быть освещена в 10- минутном докладе министром обороны СССР, а это требует большого искусства. Самое главное, самое важное должно быть сосредоточено, сконцентрировано в докладе. Этой подготовкой я и занялся во вторую половину дня. Ведь утром надо было лететь на заключительный этап учения. Вылет наметили на 7 часов утра, т. к. разбор ожидался в 8.00 утра. Прийдя домой, я подготовил тезисы для письменного доклада и устного разговора с министром обороны Маршалом Советского Союза Д. Ф. Устиновым. Утром вручил письменный текст тезисов полковнику Н. Ф. Пичул для оформления донесения в Москву. После возвращения с учения я должен был его подписать. Участвуя в разборе учения, я не собирался выступать, поручив это Ж. К. Керееву, но меня уговорил

Лен Гок Хиен и генерал-лейтенант Кереев выступить перед участниками учений. Пришлось согласиться. В ходе выступления Ж. К. Кереева я набросал тезисы выступления. Они получились удачными и хорошо были приняты участниками разбора. Речь шла о поддержании высокой боевой готовности, о стиле работы штабов, о значении работы на местности по организации боя и взаимодействия. Это всегда насущные вопросы. Они и у нас не всегда в достаточной степени усваиваются офицерами, особенно молодыми. Возвратившись домой всех наших товарищей отпустил на двухдневный отдых. Но мне было не до отдыха. Надо было доложить начальству о результатах встречи и проведенных учений, на что ушла вся вторая половина дня до 20 часов. Все прошло хорошо. Министр обороны СССР и начальник Генерального штаба ВС СССР докладом остались довольны. Не успели закончить одно учение, а на очереди уже были два других учения. Решил рассмотреть замыслы предстоящих учений по ПВО и ВВС. С утра зашел Ж. К. Кереев. Мы обменялись мнениями по проведенному учению, по некоторым проблемным вопросам, на что ушло все время до обеда. После обеда рассматривали замыслы учений. Для вьетнамских товарищей подобные мероприятия были спланированы впервые и надо было все хорошо продумать, а вьетнамских друзей хорошо подготовить к правильному пониманию сути отработки вопросов. Этим и закончился рабочий день. 19 сентября мы посетили музей ВНА, где я увидел много интересных документов и экспонатов, посвященных героической борьбе вьетнамского народа за свою свободу и независимость. Хорошо показана роль КВП, ее руководителей товарищей Хо Ши Мина и Ле Зуана. Предложили сделать запись в книге отзывов о посещении музея. После обеда, как депутату Верховного Совета СССР, надо было подготовить ответы на обращения некоторых избирателей по личным делам. Не прошло и месяца, а письма избирателей уже идут по назначению. Это хорошо. Связь не теряется. Обратился избиратель поселка Усть-Черная Тячевского района Закарпатской области Кухар Отто Оттович помочь решить вопрос с оформлением пенсии по инвалидности, которую он получил в период службы в Советской Армии. Сдал документы в Тячевский

райвоенкомат, райвоенкомат в районную поликлинику и на этом все закончилось, а инвалид сидит на иждивении престарелых родителей. Написал облвоенкому Закарпатской области, райвоенкому Тячевского района и потребовал сообщить мне и товарищу О. О. Кухар о результатах определения пенсии. Думаю, что будет все в порядке. Приходится только удивляться черствости людей, да еще не рядовых, а руководителей. Утром 20 сентября мне сообщил о предстоящей встрече с генералом-полковником Ле Дык Анем Давно ее ждал и очень обрадовался, хотя понимал, что в связи с болезнью, он просит встречу для знакомства, а не решения вопроса о подписании протокола о разделении и согласовании функций советских в вьетнамских советников и специалистов. Как быть? Навязывать свою волю неудобно. Ведь он действительно болен. Покажет встреча. Еще раз посмотрел выработанные предложения, еще раз все взвесил. Вечером состоялось партийное собрание с обсуждением хода выполнения социалистических обязательств. Выступил о проблемах, стоящих перед коллективом. В 7.50 21 сентября у подъезда здания Министерства обороны нас встретил полковник, ведающий административным отделом. На крыльце уже ожидал меня генерал-полковник Ле Дык Ань. Я никогда раньше его не видел, но фамилию слышал десятки раз, да был знаком с ним по книге МО СРВ "Замечательная победа весной 1975 года". Речь в ней идет о завершающем этапе борьбы за освобождение Родины, который закончился блестящей операцией "Хошимин". В этой книге большое место уделено генерал-полковнику Ле Дык Аню, как талантливому военачальнику. Много рассказывал о нем и Г. И. Обатуров. Это был мужчина выше среднего роста, что не часто встречается среди вьетнамских товарищей, стройный, подтянутый, с приятным лицом, несколько тронутым оспой. Он с улыбкой протянул мне руку, поприветствовал меня и пригласил в зал для приема гостей. Я понял, что делового разговора не будет, что это просто знакомство. Мы сидели около часа за столиком, накрытом по этому случаю - минеральная вода, орешки, сигареты. Затем принесли в небольших пиалах на высоких ножках ананасы. Беседа проходила в дружеской обстановке. Прежде всего он высказал удовлетворение знакомством, пожелал мне

успехов в работе, поинтересовался здоровьем жены и внуки. В свою очередь я высказал пожелание быстрее выздоровления после лечения в СССР, пожелал ему благополучного полета в Москву. Переходить на деловой разговор было крайне неудобно, но надо было найти какие-то пути решения вопроса. В заключение нашей беседы я попросил поручить кому-либо рассмотреть протокол, высказать свое мнение и после корректировки подписать его. Он сказал, что сейчас этот вопрос будет решать МО СРВ. Это меня устраивало. Я не стал отнимать у него времени. Он улетал после обеда в 15 часов дня, а человеку всегда нужно время для сборов. Расстались доброжелательно. Генерал-полковник Ле Дык Ань произвел на меня впечатление умного, доброжелательного, принципиального и делового человека. После обеда рассматривали с Жансеном Кереевым план проведения учения. Все было предложено правильно. Затем попросился на прием генерал-майор инженерных войск Бражко Рафаил Николаевич после возвращения из отпуска. Я хорошо его знал по Улан-Удэ как замечательного человека и работника и мне было приятно с ним встретиться. Отдыхал он во Львове, где много было моих сослуживцев, которые передали мне приветы и наилучшие пожелания. Затем мы обсудили вопрос о дороге № 7 - она идет от Дананга в Лаос. Это дорога жизни. Ее должны строить вьетнамские друзья, но положения со строительством я не знал и ждал его возвращения. Оказалось, что Г. И. Обатуров приказал ему этим вопросом не заниматься. Но зачем тогда Геннадий Иванович поставил этот вопрос, как проблемный передо мной? Было не совсем ясно. Тем не менее я поручил товарищу Р. Н. Бражко все обстоятельно изучить и доложить. С государственной точки зрения это был важный вопрос. Мы доставляли часть грузов в ЛНДР самолетами, а это дорого обходилось нам и лаосцам. С утра 22.9 нам сообщили, что вьетнамские товарищи готовы к обсуждению проекта протокола о разделении сфер деятельности советских военных советников и вьетнамских специалистов. После ознакомления с вьетнамским проектом мы нашли, что он не полностью отвечает нашим предложениям. В нашем проекте было определено, что мы отвечаем за действия центрального аппарата и всей регулярной армии Кампучии и Лаоса, а им

отводились для курирования территориальные войска. Естественно, что они постарались уйти от этого пункта протокола. Мы понимали, что наш пункт как бы отводит им второстепенную роль. Но после долгих обсуждений решили поправить оба текста и найти приемлемую формулировку этого пункта протокола и открыть путь к его утверждению. После обеда занимался подготовкой к встрече с генералом армии начальником Главного Политического Управления ВНА Тю Хюи Маном. Решил откровенно высказать свою точку зрения и оценку боевой готовности войск. Терпеть такое состояние дальше было нельзя. Боеготовность средств ПВО составляла 50%, ВВС - 60%, техники Сухопутных войск - 86%. Все это вызывало большую озабоченность и тревогу. Посмотрим, что даст встреча по этому вопросу с товарищем Тю Хюи Маном. Вечером, как обычно, внимательно просмотрел международную информацию: визит Индиры Ганди в СССР, положение в Бейруте, открытие ГА ООН. Весь мир осуждает израильских агрессоров и их варварство в лагерях палестинцев. Что по этому вопросу предпримет тридцать седьмая сессия ГА ООН? В одном из сообщений указывалось, что в журнале "Проблемы мира и социализма" член политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ Горбачев выступил со статьей, в которой говорилось, что благодаря принятым КПСС и Советским государством мерам, среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения повысился за 1966-1980 годы на 28%. Это позволило заметно улучшить питание советских людей, несмотря на увеличение населения СССР на 35 миллионов человек. За последние 15 лет потребление мяса и мясопродуктов в расчете на каждого жителя СССР возросло на 41%, молока и молочных продуктов на 25%, сахара на 30%. Если ежедневная средняя обеспеченность продовольствием на душу населения в мире составила, по данным ФАО на конец 70-х годов 2590 ккал, а в государствах Западной Европы - 3378, то в СССР - 3443 ккал. Сегодня возвратился из отпуска генерал-лейтенант П. М. Недзелюк. Имел с ним беседу о состоянии ВВС. Он хорошо знал их состояние и правильно определял пути повышения их боевой готовности, но не все от него зависело. Надо и

мне, как главному военному советнику, предметно заниматься и ВВС, и ПВО. Встреча с товарищем Тю Хюи Маном состоялась 23 сентября. Он подробно остановился на деятельности ГлавПУРа в решении различных проблем. Затем он доложил о принятии (введении) единоначалия, многие положения которого были взяты из опыта Советской Армии. Да иначе и не могло быть. Опыт единоначалия в Советской Армии полностью себя оправдал. Информация длилась около 2-х часов. Мы делали пометки в своих тетрадях. После перерыва была представлена возможность высказаться и мне. Я прежде всего подчеркнул исключительную важность введения единоначалия в ВНА, которое быстро скажется на укреплении дисциплины, повышении организованности и порядка в армии. Затем подробно проинформировал о работе аппарата Главного Военного Советника, о проведенных мероприятиях и к чему мы готовимся в ближайшие месяцы. После информации о работе нашего аппарата перешел к главному вопросу - состоянию боевой готовности ВНА. Располагая убедительными фактами показал, что состояние боевой готовности не отвечает требованиям ЦК КВП, что основными причинами такого положения являются: - низкая требовательность руководящего состава к состоянию техники и вооружения вследствие низкой технической подготовленности; - безответственное отношение в низовых звеньях к состоянию техники и вооружения и слабое ее знание; - слабая ремонтно-техническая база; - низкое материальное обеспечение армии. В заключение я сказал, что если не будут приняты меры к улучшению материального положения армии, вы можете потерять ее. Беседа прошла в деловой обстановке. Все присутствовавшие товарищи с вьетнамской стороны отлично понимали справедливость оценки состояния боевой готовности ВНА и выразили решимость принять соответствующие меры через руководство армии и партийные организации.